

84 ПБ (К03)
Щ 95

ВЛАДИМИР ЩУКИН

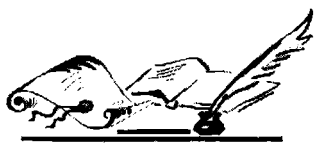
БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ ОТКРОВЕНИЯ

528941

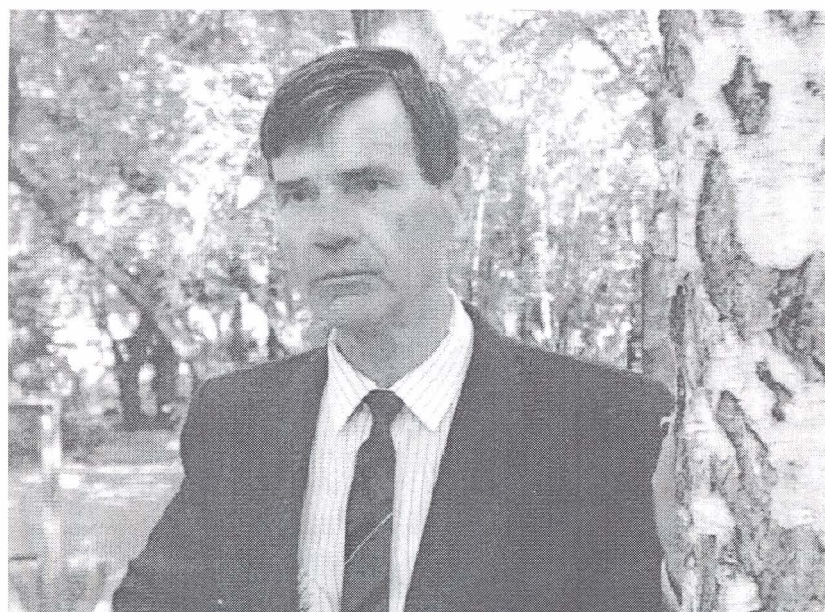

И понять невозможно
ни себя, ни свой век
без того,
 что как дождик,
без того,
 что как снег.

528941
Эк

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ ОТКРОВЕНЬЯ

* * *

Стихи? Кому они нужны?
Они тому нужны,
кому весной не до весны
из-за причуд весны.

Стихи? Нужны они кому?
Они нужны тому,
кому все в жизни по уму
и все не по уму.

Стихи? Кому нужны они?
Тому лишь, может быть,
кому приснились корабли,
как вестники судьбы.

Тебя стихи всегда найдут,
пока те корабли плывут,
а если им лежать на дне –
стихи нужны вдвойне.

СТАРАЯ СОБАКА

Старая бездомная собака
все скулит: « Уж подыхать пора...
Может, поживу еще, однако,
только бы жалела детвора».
И приподнимается на лапах,
взглядом устремляясь к облакам,
будто облака имеют запах
корки хлеба с мясом пополам.
А когда гроза над небесами
власть возьмет, покажется мне вдруг,
будто я собачьими глазами
в час грозы гляжу на все вокруг...

* * *

В радости невесту вспоминаем,
ну а в горе вспоминаем мать,
мы на гору ношу поднимаем –
и ее без песни не поднять.

И женой становится невеста,
матерью становится она,
и дорога в гору – это песня,
если в песне матери есть место,
то, что уступила ей жена.

* * *

Можно все объяснить, но порой
объяснению не все поддается,
потому и ручей под горой
в чьей-то песне не раз отзовется,

можно все объяснить просто так,
ну а можно, конечно, иначе,
коль мудрец попадает впросак,
а чудака мудреца чуть богаче,

можно все объяснить, только б жить
так, чтоб песня была как награда,
но и песней нельзя объяснить,
если ей объяснение надо.

* * *

У победы всегда есть родители,
поражение – всегда сирота,
вы победу ничуть не обидите,
не целуя победу в уста,

у корысти всегда есть наследники,
простота же всегда - сирота,
у нее целый год понедельник,
меч сломался и нету щита,

и у встреч добрых ангелов множество,
а разлука – всегда сирота,
вы отдайте ей все, что положено,
и рукой помашите с моста.

ШКОЛЬНЫЕ СТИХИ

Образ девичий в чьем-то рисунке
и в весеннем сиянии сна,
и в беспомощном звоне сосульки,
и в причудливом свете окна,
написать бы стихи не о славе –
о любви, ничего не тая,
чтоб девчонка с улыбкой лукавой
их прочесть попросила меня,
и сиял я, и мучился тайно,
но стихи не давались никак,
и тетрадку я рвал гениально,
как не рвал, может быть, Пастернак.

СЛЕЗЫ

Мальчик плакал, хоть была весна,
оттого, что горб у горбуна,
а горбун ему:

-Мой дорогой,
это горб искусственный, не мой,
горбуна играю роль. Понятно?
Так что ты уж не реви навзрыд.
-А тогда, - тут мальчик говорит,-
слезы мне мои верни обратно!

ПОДАРКИ

У невесты один лишь подарок –
тот день свадьбы, что светел и ярок,
у звезды два подарка вдали –
лик Луны и сиянье Земли,
у росы, как подарок, то поле,
где вольнее дышать по ночам,
а к слезе шел с подарками поезд,
да вот с рельсов сошел невзначай.

МАТЬ

Когда ей поется,
в ней невеста смеется,

когда на душе тишина,
в ней вздыхает жена,

когда на деревьях желтеет листва,
в ней плачет вдова.

* * *

Если слышится голос прибоя,
если радуга рядом с грозой,
если истина рядом с судьбою,
мне не надо победы без боя,
ни победы не надо, ни боя,
никаких мне не надо пророчеств,
кроме тех,

что в ладу со строкой,
где, как капли дождя, многоточья,
а вся суть – в облаках над рекой.

ЗАПАХИ

Запах травы у росы,
запах дождя у грозы,
запах жилья у следов,
запах цепей у оков,
запах полыни у зла,
запах гнезда у крыла,
запах беды у беды,
запах воды у воды.

СОН В ГРОЗУ

Шорох вкрадчивый первого грома,
будто вспыхнула рядом солома,
будто сыпется где-то горох.
Где же я? В свете молний, не дома,
будто где-то в стране незнакомой,
будто где-то на стыке эпох.

Дождь вальжжный, как царский наследник,
а рука еще варежкой бредит
и с чего-то зудится висок.
Так о чем я? И кто мне ответит?
Гром гремит. Где-то хлопают дверью.
Сон в грозу, будто славы глоток.

ПУСТЯКИ

И пустяк не смотрит пустяком,
если он бывает маяком

для такого ж, может, пустяка,
что слывет причудой старика,

и для чудака он не пустяк,
если у него он как в гостях,

и порой такие пустяки
понимают только старики.

ЗНАКИ

Чтобы написать воспоминанья,
не хватает знаков покаянья
там, где ты порой грешил душой
и рабом был всякого желанья,
не хватает знаков пониманья
истины, что наравне с судьбой,
может, потому-то и порой,
чтобы написать воспоминанья,
не хватает знаков препинанья,
не хватает точек и тире,
как зеленых почек в декабре.

* * *

Может быть, я дойду до границы,
за которой все так и не так:
то дождем не могу насладиться,
то никак не согреет очаг,

может быть, летним днем или в полночь
я дойду до заветной черты,
где зовет меня память на помощь,
где все мудрые мысли просты.

может быть, я дойду до предела,
у которого наверняка
я пойму, то ли жил неумело,
то ль умело играл чудака.

ШАГИ

У первого шага – отвага
и цветок голубой,
чтобы сделать шаг второй,
у второго шага – отвага
и песенка о лете,
чтобы сделать шаг третий,
у третьего шага – отвага
и два шага
позади.

* * *

В жизни все не так случается,
как на свадьбе нам мечтается
под веселый шум гостей,
потому ли, что на свадьбе
нету свадебных коней?

В жизни все не так, как надо, -
там, где надо, нету лада,
а без лада все не так,
потому ли, что по-царски
одеваем мы пустяк?

В жизни все не так, как ждешь, -
вместо меда воду пьешь
и душа болит опять,
потому ль, что в ней от Бога
то, чего не разгадать?

* * *

Призраки в подвалах поселились,
на балконах поселились сны,
и они друг другу часто снились,
будто для того и рождены,
слышали все шорохи и вздохи,
понимали, как там ни крути,
что дела так плохи у эпохи,
хорошо б податься в скоморохи,
да еще чтоб вовремя дожди.

Жизнь прожить, что поле перейти,
если где-то в поле показалось:
чтоб беду рукою отвести,
только поле перейти осталось,
жизнь прожить, что речку переплыть,
если вдруг на речке показалось:
чтоб судьбу с судьбой соединить,
только речку переплыть осталось.

ЦАРСКИЕ ВРЕМЕНА

Что-то снится мне стали цари ,–
властолюбцы, лжецы и тираны,
лучше снились бы мне косари,
землепашцы, дожди и туманы.
То ли страха так много во мне
за все годы мои накопилось?
Отчего ж, не пойму я, во сне
с царским прихвостнем меряюсь силой?
Что хочу я ему доказать?
Да и что он мне сделал плохого?
Но глядим мы друг другу в глаза
в ожидании царского слова.
Мне сегодня хватает беды,
если ж в тех временах очутиться,-
одного б мне хватило - воды
из колодца в деревне напиться
да еще постоять под дождем
и увидеть, как даль просветлела.
...Я вот тоже бываю царем
сам себе.

Может, в этом все дело?

КОВЫЛИ

Ковыли в синей дымке степные
так пригнулись под ветром мертво,
будто вспомнили хана Батюга,
убоявшись, как смерти. его,
ковыли сединой полководца,
белизной обелисков вдали,
много ханов, да мало колодцев
в своей памяти мы сберегли.

и хотя нет засухи и зноя,
так мучительно хочется пить,
как в томительный час перед боем,
и ни в чем простофилей не быть,
и с чего-то приснилось к рассвету,
как Иван-дурачок впопыхах
сел однажды в цареву карету
и умчался в степных ковылях.

ЛЕС ОСЕННИЙ

Лес осенний. И как-то бездомней
на душе. Только зренье острей.
Что есть истина? Где ее корни?
Не спросить ли у кочек и пней?
Может, там,
 где живи век да помни
те слова, от которых светлей?

Лес осенний. И нету ответа.
Листья падают рядом, не где-то
и тревожат, как смутный намек,
теплый отзвук ушедшего лета
и раздумий сухой холодок.

* * *

Говорят, у весны есть грехи,
но стихи к этим слухам глухи,
ну какие грехи у ручья,
у сосульки и у грача?
Это так же , наверно, смешно,
как винить во всех бедах вино.
...Если судят весну за грехи , –
у нее адвокаты – стихи.

* * *

Не до ручки дойти, а до речки,
не с сумой на плечах – просто так,
не гадать про судьбу: чет иль нечет,
а с рекой говорить про пустяк,

и до речки дойти, и до речи,
до ее сокровенных корней,
где корням и дышать будто нечем
без ветвей, как без добрых вестей,

и до речи дойти, и до встречи,
не перечить ни этой, ни той,
утром высказать то, что под вечер
позовет, будто мост над рекой.

* * *

Чтоб ошибка вновь не повторилась,
прихожу к ошибке на поклон
и сдаюсь я дождику на милость,
жду, как милости, вечерний звон,

быть в плену хочу у доброй вести,
кланяюсь я в пояс октябрю,
где заря, похожая на песню,
где похожа песня на зарю,

эта песня в сердце отзовется
и поверит кто-нибудь на миг:
блудный сын домой еще вернется
и в лесу не высохнет родник.

НЕБЫЛИЦЫ

Если встретятся две небылицы,
то и быль в десять радуг цветет,
будто где-то у самой границы,
за которой и воздух как мед,

у одной небылицы в запасе
то, что снится нам ранней весной,
у другой – то, что выше напасти
и похоже на дождик грибной,

у одной небылицы – все просто,
у другой – все всегда на бегу,
обещает нам первая росы,
а вторая – цветы на снегу,

а когда же они расстаются,
небылицы те, семь раз на дню,
в чем-то птицы друг другу клянутся
и вода что-то шепчет огню.

СЕМЬ ТРЕВОГ

Сошлись на перекрестке дорог
семь тревог:
одна тревога –
от Бога,
другая
тяжела как дорога,
третья
живет уж столетье,
у четвертой глаза слепые
от пыли,
пятая
шестой чреватая,
а все тревоги в одной –
в седьмой.

ВИНО ВОСПОМИНАНИЙ

Вино воспоминаний
не выдыхается,
если в нем
две-три капли слез-
от гроз,
а в каждой слезе –
тоска по росе,
вино воспоминаний
не старится,
если в нем
две-три капли радости-
от радуги,
а под радугой той –
две судьбы в одной.

* * *

Заблудиться под вечер во ржи
или речке под утро присниться,
только б мне не упасть у межи,
за которой беды не случится.

запыляет костер на снегу
там, где осень брела осторожно,
только б все, что в душе берегу,
чуть на праздники было похоже,

лес раскинет зеленый шатер
над полями, продутыми ветром,
только б все, чем я жил до сих пор,
чуть вплеталось бы в чудо рассвета,

заискрятся, звеня, родники
и заря в синей дымке растает,
только птиц бы кормить мне с руки
и следить как трава вырастает,

заблудиться под вечер во ржи
или с речкою быть по соседству,
только б мне не упасть у межи,
прежде чем остановится сердце.

В ЭТОТ ЧАС

Мы с тобой давай не будем спорить
в этот летний предвечерний час,
может, кто-то в поле или в море
с теплотою вспоминает нас,

а когда вечерняя прохлада
незаметно к дому подойдет,
может, кто-то выглянет из сада,
нас с тобой тихонько позовет,

мы с тобой давай не будем спорить
и друг друга в чем-то упрекать,
может, кто-то в этот час от горя
за стеной судьбу клянет опять,

лучше мы, судьбе не прекословя,
будем верить, что вдали от нас
где-то кто-то вырвался на волю
в этот свой, быть может, звездный час.

* * *

То ли что-то в душе отгорело
и такая пора уж пришла,-
лето кажется ягодой спелой
на опушке, где тень от крыла,
где все ждешь, что вот-вот отзовутся
голоса на тревоги твои,
где к себе, будто счастье на блюде,
ташат ношу свою муравьи,
и стоишь ты, ветрам всем открытый,
будто там, где петляют следы,
в каждом шорохе зреют события
и пьянеет трава от воды.

* * *

Чего-то ждет поэзия от прозы,
как от поэзии чего-то ожидают слезы,
и оживет поэзия и в прозе,
когда и в круговерти суеты
от правоты так знойно на морозе
и замерзаешь в зной от немоты.

ЗАВИСТЬ

Какая-то светлая зависть
к тому, кто моложе душой,
кто снова сегодня, не завтра
увидится где-то с тобой,

какая-то светлая зависть
к тому, кто в простых мелочах
провидит весеннюю завязь,
прощение в чьих-то глазах,

какая-то светлая зависть
к летящей дождинке,
к тому,
чему и названья не знаешь,
а может, и знать ни к чему.

* * *

Ловлю себя на том,
что не построил дом
и сад не посадил
в честь тех, кого любил,
смешным был иногда,
не свил себе гнезда
и был в плену у книг,
и славы не достиг,
ловлю себя на том,
что знаю, что по чем,
что первая слеза
сильнее, чем гроза,
что простота кольца
мудрее мудреца,
а там, где сказка спит,
быть может, клад зарыт.

* * *

Пусть разлуке достанется мед,
птичий гомон и песня свирели,
пусть в стране ее светит восход
так же ярко зимой, как в апреле,

пусть разлуке достанется сон
о ковре-самолете волшебном,
пусть в стране ее царствует звон
летних гроз вместе с запахом хлебным,

пусть разлуке достанется дом,
сад в цвету и платочек на плечи,
вы оставьте ей лодку с веслом,
ну а с парусом лодку – для встречи.

УСТАЛОСТЬ

Может, в жизни лучшее – усталость,-
хорошо, домой вернувшись в срок
и, устав от всяких причиндалов,
опуститься тихо на порог
и закрыть глаза свои в блаженстве,
привалившись к косяку спиной:
мир еще далек от совершенства,
но сейчас он весь как под рукой.

Пусть в прошедшем все не так уж ладно,
но светлеет твой усталый взгляд,
будто устаешь ты от таланта
у других лишь замечать талант.

* * *

Так бывает,
нет, не без причины
в щедром буйстве
солнечного дня:
будто вещи
некую личину
или маску
сбросили с себя,
и толпа
становится народом,
а попутчик
кладезью ума,
и свобода –
больше, чем свобода,
и тюрьма –
не больше, чем тюрьма.

* * *

Истина рождается лишь в споре,
если спорят двое на ветру,
истина рождается лишь в море,
если море снится поутру,
истина рождается лишь в ссоре,
если в ссоре осень и зима,
истина рождается лишь в горе,
если это горе от ума.

* * *

То ли в жизни что-то я не понял,
то ли жизнь цыганкой манит в поле,-
мне все кажется в тиши ночей:
не цыганка мне гадает по ладони,
я гадаю по ладони ей,

то ли я в любви искал покоя.
то ли было что-то в ней такое –
грозовое в сумраке ночей,-
будто удаль путая с любовью,
у цыган я воровал коней.

АНГЕЛ В НЕБЕ

Может быть,
не так уж это важно,
сколько лет
прожил ты на земле,
важно то,
чтоб тихо и протяжно
звал кого-то
ангел в синей мгле,

звал затем,
чтоб голос его слышен
был для всех –
и нищих, и калек,
только б дождь
опять стучал по крышам,
только б снег
похожим был на снег,

чтобы я
забылся на мгновенье,
повторял
заветные слова
и очнулся,
будто в озаренье,
вдруг поняв,
что жизнь всегда права,

сам себя
на солнечной поляне
вижу я
сквозь радость и сквозь грусть,
плачу оттого,
что я не ангел,
оттого, что жив еще,
смеюсь.

* * *

Мы с тобой какие-то такие,
не такие, как другие, мы –
мы с тобой ждем чуда от России
и побольше снега от зимы,

мы с тобой какие-то такие,
не такие, как другие, мы –
нам зима – как песня о России,
нам и куда нету без зимы.

* * *

Твои годы водят хороводы,
а мои лишь мерзнут на ветру,
твои годы жарки от природы,
а мои все тянутся к костру,

наши годы разные такие,
между нами нить оборвалась,
будто я вернулся из России,
ну а ты в Россию собралась.

* * *

Нас развели чужие недомолвки,
нас разлучили шутки невпопад,
и рвался я в березовые колки,
а ты брела куда-то наугад,

нас развели тропинки у порога
и увели куда-то в тупики,-
просила что-то у меня дорога,
а ты просила что-то у реки,

нас развели туманы бездорожья
и разлучили, душу теребя,-
и не был я на ангела похожий,
а ты была похожей на себя.

* * *

Женщина всегда была загадкой
для других, а больше – для себя,
на нее заря глядит украдкой,
что-то сладко шепчут тополя,

я не знаю, где дорога к раю,
если б знал – ее я показал
женщине, которую не знаю,
той, что знаю, руки б целовал.

* * *

Жизнь как жизнь.

И дышит покоем
предвечернее поле вдали,
а в душе моей что-то такое –
от молитвы и от земли.

Жизнь как жизнь.

И опять над рекою
птичьих стай заколдованный круг,
а в любви моей что-то такое –
от прощения и от разлук.

Жизнь как жизнь.

Взмахни лишь рукою,
восхитись под сиянием гроз,
а в судьбе моей что-то такое –
от несказанных слов и берез.

* * *

Женщина сама себе награда,
хоть она и выше всех наград,
ее руки пахнут райским садом,
будто рай похож на детский сад,
женщина, как прежде, ждет ответа,
хоть она сама себе ответ,
все такая ж на краю у света
и в плену любви,

где края нет .

* * *

А рассвет медлительный и медный,
листопад уже чуть-чуть устал,
и душа как будто кругосветный
совершает путь, мудрей не став,

и душе так стыдно перед телом,
что его тот стыд животворит,
а рассвет крадетя легкой тенью
и осенний цвет боготворит.

* * *

Я хотел у жизни, нет, немного
и совсем немало попросить
для тревоги – светлую дорогу,
для дороги – горизонта нить,

ту, что две судьбы в одну связала,
а когда случайно прервалась,
затерялась где-то у вокзала,
чтобы вспыхнуть радугой, светясь,

я просить у жизни не устану
в час, когда еще встает заря,
для любви – одну лишь только тайну,
а для тайны – радость бытия,

ту, что светит, будто бы награда,
в каждой капельке дождя и гроз
оттого, что счастье где-то рядом,
на виду у сердца и берез.

ЗИМНИЙ СОН

Ничего не надо, кроме этой
неуемной бури снеговой
в ночь, когда мне снится до рассвета
снег да снег над тройкой удалой,

путь ее лишь песнею измерен,
ну а в песне светит и зовет
тот старинный и высокий терем,
где невеста молодца живет,

загремят тяжелые затворы,
велика у молодца казна –
ни к чему ему золотые горы
да и реки, полные вина.

... Что же я тревожно просыпаюсь,
будто этот терем я поджег,
может, ревность злая и слепая
сыплет снегом и на мой порог?

Все поймет любимая,
а значит
скажет так: « Кому что суждено...
Удалая тройка быстро скачет,
только в тереме я не живу давно!»

ОТШЕЛЬНИК

Его новою силой питает
среди всего, что вблизи и вдали,
только к мудрости зависть святая
и звериное чувство земли,

и опять замерев у порога,
будто что-то открыв для людей,
он коснется рукою пророка
все понявшей собаки своей.

* * *

Я иду как из варягов в греки,
не пойму, где грек, а где варяг,
доставалось раньше на орехи,
достается нынче просто так,

я гляжу вперед в недоуменье,
будто мост построил вдоль реки
в двух шагах, быть может, от прозренья
и чуть ближе от своей тоски,

написать бы о своем народе,
чем я жив и чем я дорожу,
но чем ближе я к себе, тем вроде
от себя я дальше ухожу,

не пойму, какая тут причина,-
не страшит ли новый поворот,
рисковать душа уж разучилась
или истина с душой взлетит,

может, жду любви священный трепет,
хоть она и нелегка порой
как дорога из варягов в греки:
оглянись, а век уже другой.

МАДОННА

1

Устремляясь к жизни беспредельно,
все лицо заполнили глаза,
кажется, живут они отдельно
от него, как от земли гроза,

а когда весь полон красотой,
отведу я в сторону свой взор,
кажется, следят они за мною
и меня жалеют с давних пор,

а за что жалеть – и сам не знаю,
хоть и знаю, что и я грешу,
что-то сам себе же и прощаю
и у них прощения прошу,

и опять, опять душой как дома,
будто пью волшебную росу
на виду у светлых глаз Мадонны
и у молний в летнюю грозу.

2

Сиреневый дым и серебряный голос,
и возраст печали еще молодой,
и новая встреча, и старая новость,
и взгляда Мадонны тревожный покой,

медовая сладость июльского лета
и мудрость всей жизни – в дождевке одной,
и ветер с грозой, и песня о ветре,
и взгляда Мадонны тревожный покой,

заря над рекой и колодец с водою,
и хлеб на ладони, и конь вороной,
и память святая с глазами Мадонны,
и взгляда Мадонны тревожный покой.

* * *

Горит закат как чаша расписная,
грибная прель и тишина лесная,
и все, что ты берег еще с утра,
быть может, легче птичьего пера,

горит закат как чаша расписная,
дым от костра и чья-то тень мелькает,
и, может, счастье на тропе лесной,
а ключ от счастья – в чаше расписной.

* * *

Все лица вокруг просветлели,
как после бескровной дуэли,
как после ошибки, похожей
на яблоко в детских руках,
и, кажется, нету дорожке
того, что сказал впопыхах,
светло на душе, как весной,
когда для детей быть судьей
тебе и нелепо, и странно,
вот только бы старая рана
не снилась себе же самой...

ДУША

Мы в старости
надеемся на душу,
не очерствела
только бы душа,
в поступке, слове
ценим только душу:
ум золотит,
а греет лишь душа,
мы это лучше
понимаем утром
а может, ночью,
мучаясь в тоске.

..... кажется,
что в эту вот минуту
душа, как жизнь,
висит на волоске.

* * *

Никуда не деться от предвзятости,
как и от превратности судьбы,
и, бывает, в двух шагах от святости
застят свет заборы и столбы,
критики их густо понаставили,
а вино, что не допил поэт,
льется до сих пор еще по скатерти,
ну а скатерти износа нет.

* * *

Поэт у хана
визирем мог быть,
пить с ним вино
и холить тело в неге,
но сшил поэт
себе шатер из неба
и выбрал в жены
ветренность судьбы.
Сияет в небе
звездном, одинок,
шатер поэта,
выше горя и обиды,
когда вдруг в небе
хан его увидел,
он выронил в бою
стальной клинок.

СТРОЧКИ

В первой строчке
сжигают мосты,
а в последней –
об этом жалеют.
Повороты у речки
круты
или жить,
может быть, не умеют.

* * *

Ах, какие прозрачные дни,
будто в льдинках сверкают огни,
а сосульки похожи на свечи,
что забыли вчера потушить –
над весной колдовали весь вечер,
чтобы в веру свою обратить.

* * *

Книги я никому не дарю,
не дарю, просто так отдаю, -
мне уже – только б хлеба коврига,
все милее душе свет и тень,
и из жизни, где святы все миги,
выпадает мой прожитый день,
как заложка из книги.

* * *

Жизнь замечательных людей,
жизнь незамечаемых людей –
будто бы две жизни.

И в обеих –
вереницы разных мелочей,
звон мечей и плач детей,
и мудрее тот, кто сам себя мудрее.

* * *

– Что от крика осталось?
– Тень звука.
– Что от деда осталось?
– Три внука.
– Что от сада осталось?
– Дорожки.
– Что от хлеба осталось?
– Две крошки.
– Что от слухов осталось?
– Забыли.
– Что от песни осталось?
– Шум крыльев.

СЛОВО

Крикнул, будто спасаясь: «Россия!»
будто прыгнул с обрыва впервые,
древо гнева вдруг тронул рукою,
а другой – черный весь небосвод.
... Может, есть в этом что-то такое,
от чего только слово спасет.

* * *

Для молодого сердечка
все зорьки ясны,
для золотого колечка
все подарки бедны,

для родного полюшка
и ночка светла,
для вдовьей долюшки
во всех углах – зола,

для речного камешка
все воды чисты,
для тех, кто не кается,
все грехи пусты,

для гордого сокола
все радости на виду,
для хлеба и соли
все горести на меду.

* * *

Вороша беспокойную память,
забываешь почти,
что ты по столу шаришь руками,
будто ищешь очки,
будто прошлого хлебные крошки
собираешь опять,
будто дочь для тебя в обед ложку
позабыла подать.

Своими именами назову
видения и вымыслы, и вести,
когда пойму траву и синеву,
и почему так мало слов у песни,

откроется мне где-то тайный знак
на перевале иль на переправе,
когда пойму, что так, а что не так
и почему цветок цветку лишь равен,

поверится сильнее в свет и тьму,
и в то, чем жив и в чем еще не каюсь,
когда пойму, а может, не пойму,
а может, по глазам лишь догадаюсь.

НА РОДИНЕ

Снег идет, будто так, по привычке,
снег сверкает от вспыхнувшей спички,
от раздумий моих о былом,
мне легко, как у дочки на свадьбе,
оттого, что из ближней усадьбы
по-домашнему тянет дымком,
не пойму, что случилось со мною,
мне легко, может, снег тут виною,
может быть, наяву, как во сне,
мне откроется что-то случайно
там, где светлая капля из чаши
моей жизни упала на снег.

ПРИЗНАНИЯ

* * *

У меня к тебе такой вопрос –
он травой зеленою оброс
под сияньем глаз твоих и звезд,
жду ответа я от вешних гроз
в тишине и в шелесте берез,
у слезы и радости до слез.

ЭТА ТЕМА

К этой теме трудно подступиться –
можно оступиться,-

и опять
то грустить, как за морем синица,
то, как лебедь в небе, ликовать,

к этой теме трудно подступиться –
можно оступиться, -

и порой
вдруг упасть случайно на границе
между сединою и весной,

к этой теме трудно подступиться –
можно оступиться, -

все равно
лучше нищим радости присниться,
чем с разлукой где-то пить вино.

* * *

Если любишь – голос твой негромок,
ты себя порой не слышишь, но
ты кричишь, случается, спросонок,
будто тонешь, уходя на дно,
если любишь – будто из потемок
ты глядишь украдкою в окно
и в душе ты чуточку ребенок,
а ребенку многое дано!

ДВЕ СУДЬБЫ

Той, что так величава, как лебедь,
недоступна, как звезды во мгле,
достаётся Земля вместе с небом,
а точнее – весь хлеб на столе,
ну а той, что душою светла
и тиха, как осенние вздохи,
достаются лишь тень и зола,
а точнее если –

хлеба лишь крохи.

ШЕСТЬ СТРОЧЕК

Первая строчка пришла у причала,
строчка вторая, когда ты молчала
и головою печально качала,
строчка же третья пришла у моста,
а про четвертую ты неспроста
мне говорила, что строчка пуста,
пятая строчка дышала тобой,
не было в ней ни одной запятой,
что ж ты ушла вдруг на строчке шестой?

... Нам бы хватило и строчки одной!

* * *

У любви способности
замечать подробности,
слышать в шепоте – гром,
слышать в громе – безмолвье,
на песке строить дом
из безмолвья и молний.

* * *

Яснее судьбы очертанья
в опале, тюрьме и скитаньях,
а дома судьба не ясна,
хотя есть и дом, и жена,
и только слезинка у глаз
о нашей судьбе знает много:
одна лишь любовь в ней – от Бога,
а все остальное – от нас.

* * *

Учат нас углы и повороты,
рты, растянутые от зевоты,
а еще подвалы и обвалы,
и колдобины и перевалы,
и судьба, похожая на случай,-
но своей любви кричу в ночи:
- Искуши и нищим сделай, мучай,
хоть какую уготовь мне участь,
только ничему не научи!

* * *

У меня впереди –
затяжные дожди,

а вокруг, а вокруг –
тени бед и разлук,

на распутье стою,
чашу горькую пью,

что-то жду от судьбы,
что-то жду от весны,

но, увы, но, увы!-

не зовут по грибы,
не зовут на блины...

* * *

Есть имя у моей печали,
оно доносится со всех сторон,
как будто это колокольный звон,
как будто в камни превратились чайки
и чье-то имя я забыл как сон.

* * *

Чья-то прелесть кому-то как ересь,
чья-то ересь кому-то – бальзам,
и порой, в красоте разуверясь,
обращают свой взор к небесам,
а с небес светят ангела взоры,
что-то шепчут святые уста,
ну а святость - лишь точка опоры
той любви, где царит красота.

* * *

Может быть, на солнцепеке лета,
может быть, на перекрестке века
понял я, что ты ушла к другому,
будто возвратилась в прошлый век,
где забыла взять ключи от дома
и стряхнуть с души холодный снег.

* * *

Обморок трав в летний зной,
морок бессонных ночей –
в искрах костра над рекой,
в гривах цыганских коней,
в дреме цыганских ночей
слышится шепот давно:
«Кто-то из песни моей
выбросил слово одно...»

* * *

Мы с тобою порою лукавим,-
говорим просто так, ни о чем,
может, лучше поспорить о славе
или вспомнить про отчий свой дом.

Ах, слова!

Отчего же, не знаю,
я пойму, лишь теряя тебя:
у любви слов пустых не бывает,
в каждом слове ее – вся Земля.

* * *

Не знаю, чем ответить, если вдруг
меня окликнет кто-то там, где круг
существования моего сужался,
когда ушла ты от меня и жалость
к себе была похожа на испуг,

не знаю, что мне делать, если вдруг
пойму, что нету у меня заслуг
перед белыми над полем облаками,
и я, как в детстве, к ним тянусь руками,
а ты смеешься надо мной, мой друг,

не знаю, милый друг мой, почему
мне кажется, что все не по уму,
все у меня не так и несерьезно,
а ты глядишь и грозно, и морозно
боярыней Морозовой во тьму.

* * *

У любви порой не видно дна,
а когда ты вздрогнешь от испуга,
не найдешь спасательного круга
да и лодка будет не нужна,

у любви всех бурь не превозмочь,
а когда ты вздрогнешь в ослепленье,
будешь ждать, как первый день творенья,
ты спасенья во вторую ночь.

* * *

Вот и руки с чего-то немеют,
а из рук выпадает весло
и становится чуть холоднее,
и весло далеко унесло,

и все то, что шептали мне ночи,
чем в соблазн вводили порой,
показалось молитвы короче
и растаяло вместе с зарей,

может, жизнь уже на исходе,
но не так уж пугает и страх,
будто ради любви при народе
я когда-то признался в грехах.

* * *

Приходила ко мне, горевала,
горевать все же легче вдвоем,
и чайнка в стакане дрожала,
и желтела листва за окном,

и к ее затаенной печали
примерял я печали свои,
только жаль, оступился нечаянно
там, где кто-то ей клялся в любви.

* * *

Если дом, то с яблоневым садом,
а в саду чтоб сладкий шепот жил,
ну а в нем ни склада и ни лада,
только кто-то б верности служил,

а любовь чтоб с синими глазами,
а в глазах, от всех сует вдали,
отражались море с небесами,
а еще меж ними – край земли.

* * *

Когда задумаюсь, глаза свои смежив,
вдали от лжи и рядом с озареньем,
мне кажется, что я когда-то жил
в другой стране, забыв про год рожденья,
забыв про то, какой мне выпал век
и для чего вся суета земная,
и чей-то смех похожим был на снег,
а снег сверкал под чей-то плач и таял.

ПОСВЯЩЕНИЯ

* * *

В.Томину.

Все пройдет,
 только песня останется,
будет звать в ней, как прежде, опять
огоньками далекая станция
неувавших душою пылать,

и услышав ту песню, быть может,
кто-то вспомнит былые года,
станет ближе ему и дороже
чь-то радость и чья-то беда,

может, слушая песню ту где-то,
позабыв про свое ремесло,
невыпадет кто-то другу ответит,
кто-то выронит в воду весло,

чь-то слово заветное снова
понесет вслед за песней волна,
слово в песне, как песня для слова,
если песня – на все времена.

* * *

Л.Пивкиной-Поручиковой.

Может быть, что с кем-то разговоры
вы ведете где-то при луне,
пусть луну своруют ночью воры,
если речь идет не обо мне,
может быть, вам снова где-то снится:
вы на колеснице с женихом,
пусть с горы несется колесница,
все равно лететь ей кувырком,
буду птицей я кружить над вами
и скажу: « Вам очень повезло.
Позже разберетесь с женихами,
а сейчас садитесь на крыло!»

* * *

А.Ленькову.

Может, осень таится в лесу,
может, прячется в чью-то печаль,
как в ста следствиях прячется суть,
где не видно концов и начал,

и невольно тихонько вздохнешь,
будто слеп и незряч. И уже
будто с правдой в тебе чья-то ложь
вдруг столкнулась и тень на душе,

но зовет, будто запах росы,
и волнует, как близость жилья,
домовитая хитрость лисы,
деловитая прыть муравья,

шелестят листья, светом полны,
замирают в предчувствии гроз,
и глядишь, будто со стороны,
на себя ты глазами берез.

* * *

Дочери Алене

Сговориться б ночью
с рошей молодой,
чтоб тебя, как рошей,
окружить собой,

сговориться б в полдень
с полем у села,
чтоб душа, как поле,
у тебя была,

сговориться б надо
с ветром и с дождем,
чтоб тебе по радуге
бегать босиком,

сговориться б с речкой,
чтоб она вдали
виделась с крылечка,
будто край Земли,

ну не край уж если,
то уж как намек
на тропинку к песне,
что тебе берег.

У ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Жанне Сейльжановой

Приглашайте почаще гостей,
только жаль, среди них я не буду,
я тихонько у ваших дверей
постою и обиду забуду,

не спешите гостей провожать,
заварите покрепче им чаю,
может быть, у порога – как знать! –
про меня кто-то вспомнит случайно,

а не вспомнит, ну что же, ну что ж,
может, вспомните вы на минуту
и уроните вилку иль нож
со стола невзначайно как будто,

как друзей дорогих – так и быть! -
приглашайте дожди и туманы,
если будете с ними грустить,
я на них обижаться не стану,

пусть не будет и мне веселей,-
не уеду ни в Крым я, ни в Польшу,
у меня тоже много друзей,
но у вас пусть их будет чуть больше.

* * *

В. Токаревой.

Я у моря спрошу о тебе,
я у горя спрошу о судьбе,
может, море не стерпит – вскипит,
может, горе истреплет весь быт,
может, скажешь:

- Что ж, море – вода,

ну а горе – трава- лебеда,
а ищу я другую траву,
между морем и горем живу.

О. Буруновой.

До чего же воздух чистый!

Дышишь

так легко, и ты душою чист.

По-весеннему светло с афиши

улыбнулся девушке артист,

и она , забыв про все на свете,

может быть, впервые поняла,

что она – и снег, и дождь, и ветер,
что еще такую не была.

... Я иду, нисколько не причастен
я к тому,

но кажется опять,

что несу я город, будто чашу,

и боюсь в ней воду расплескать!

ЖЕСТЫ

Т. Баландиной.

А жесты есть дарящие

для счастья что-нибудь,

и жесты есть молящие

и Бога, и судьбу,

есть жесты - продолжение

уж высказанных слов,

есть жесты – отражение

сбывающихся снов,

а жесты есть из жести,

острей они гвоздей,

а жесты есть – как шелесты

метелей и дождей.

...А ты опять печальная,

но знаешь ты, любя,

что жизнь – как жест отчаянья,

когда в ней нет тебя.

* * *

Дочери Людмиле

До тебя никак не достучаться,
унесла опять тебя весна
как свое заветное богатство,
наподобье песни или сна,

достучусь я и до сна, и песни,
и себе в помощники возьму
лишь одни приятнейшие вести,
с ними вместе – облака в дыму,

достучусь до радости и горя,
расспрошу весеннюю листву,
ну а если ты тоскуешь в поле –
я без поля дня не проживу.

* * *

А.Косинову.

Я на утро светлое надеюсь
и надеюсь на вечерний час,
а еще надеюсь на индейцев,
что живут к природе ближе нас,
я на пух надеюсь тополиный,
на зеленый куст среди прелых пней,
а еще надеюсь на дельфинов,
что скучают в море без людей,
и сказать про самое такое
все еще надеюсь я,

да вот

высыхает озеро Питное,
до утра уснуть мне не дает,
и оно надеется, как прежде,
на меня, а может, на тебя.
Пусть нам жизнь светится в надежде,
словно солнце в капельке дождя.

В.Салминой.

Может быть, где-то там,
в середине недели,
на каком-то вокзале,
в его толчее,
может быть, в январе
или, может, в апреле
ты поймешь вдруг,
что ты не в своей колее,
может быть, потому,
что легко все дается,
только все-таки как-то
живешь ты не так:
все поют за столом,
лишь тебе не поется,
все куда-то бегут,
ты замедлила шаг.
А когда скорый поезд
замрет у вокзала,
ты поправишь очки
чуть дрожащей рукой
и поймешь вдруг, что ты,
нет, не то мне сказала,
что, увы, раньше срока
стареешь душой...

ИСПЫТАНИЯ**В.Сусловой.**

Испытанье может быть с цветами,
и когда прозренья час придет,
кто-нибудь просить прощенья станет
и цветы на помощь позовет,
испытанье может и под ручку
где-нибудь ходить с твоей бедой,
все равно в траву от счастья рухнешь,
как от жажды быть самим собой,
испытаний нет без слез и муки,
и сильней желанье по весне
бросить все цветы к ногам разлуки.
только б снились нам цветы во сне.

В.Шкабуро.

Все будто как впервые,
когда от пустяка
вдруг вырастают крылья
и тают облака,

все будто как впервые,
когда тебе родня
и шорохи ночные,
и всполохи огня,

все будто как впервые,
когда в вечерний час
и истины простые
мудрей крылатых фраз,

все будто как впервые,
когда твои слова –
то капли дождевые,
то в море острова,

все будто как впервые,
когда среди тревог
минуты роковые
уходят за порог,

все будто как впервые,
надолго и всерьез,
как в песне о России,
как на лице без слез.

ЖИЗНЬ**Н.Павленко.**

Жизнь взалхлеб и наощупь,
и шутя, и всерьез,
оплеухой наотмашь
или смехом до слез,
то шажком, то наскоком,
по глотку и рекой,
запоздалым упреком
или смертной тоской,
то душой нараспашку,

наизгиб, наизлом,
неудачей вчерашней
или сбившимся сном,
и порой, как спросонок,
жизнь будто бы вдруг –
непутевый ребенок,
что отбился от рук,
и наступит такое –
вдаль сильнее позовет
утро – скатертью в поле
и весной у ворот.
И пойму я под вечер,
что о жизни пока
может, знаю я меньше,
чем тот лес и река,
а реке с лесом снится
жизнь в шелесте дней,
будто синяя птица
над простором полей.

* * *

М.Кинееву.

Надо вспомнить себя
там, где был ты смешным,
надо что-то забыть,
чтоб развеялся дым,
надо вспомнить себя
там, где падал не раз,
надо что-то забыть,
чтобы ждать звездный час,
надо вспомнить себя
там, где нищим ты был,
надо что-то забыть,
чтоб сильнее ты любил,
надо вспомнить себя
там, где был виноват,
надо что-то забыть,
чтоб вернуться назад.

* * *

Г.Филатову.

Если правила есть –
 значит, есть исключения из правил,
выше правил – лишь честь,
 как бы низко ее кто не ставил,
есть и в правилах толк,
 исключения из них – не помеха,
выше правил – лишь долг
 тот, который превыше успеха,
быть бы ближе к земле,
 пусть и правила стали иные,
выше правил – лишь хлеб
 и в жару, и в дожди проливные,
пусть по правилам бой –
 нелегко нам дается победа,
выше правил – любовь,
 даже если она без ответа,
жизнь – совсем не детсад,
 хоть по правилам жил - вдруг споткнулся,
выше правил – ты сам,
 если снова домой ты вернулся.

* * *

В.Трусову.

Ну какой тут секрет
в том, что нету секрета
у того, кто поэт
для берез и для ветра,

у кого семь причуд
неизвестно откуда
и всего лишь чуть-чуть
не хватает для чуда,

ну какой тут секрет
в том, что нету секрета
там, где эхо в ответ,
что ни след,- то примета,

где причина и суть
поменялись местами
оттого, что в лесу
заблудились и сами.

ну какой тут секрет
в том, что нету секрета,
если сердцу, как свет
чья-то тень до рассвета,

если чья-то слеза
по лицу течь устала
и вздыхает гроза,
и во сне шепчет тайна.

* * *

С.Гусевой.

1

Я за то, чтобы крылья встречались
с облаками в преддверьи дождей,
чтобы тайны встречались ночами
на пороге больших новостей,

я за то, чтобы цифры встречались
и сливались бы в цифру одну,
а когда юбилей означали,
то включали в себя и весну,

я за то, чтобы звезды встречались,
а когда исчезали порой,
чтоб они в наши сны превращались
и сияли над нашей душой,

я за то, чтобы двое встречались
и светлей становились чуть-чуть,
я за то, чтоб в конце, как в начале,
о любви мы успели шепнуть.

2

Еще снятся ночами,
золотят мои дни
переулки печали,
перекрестки любви,

где тебе я на верность,
и пытая судьбу,
демонстрируя щедрость,
подарил Млечный Путь.

и чуть-чуть виновато
ты сказала во тьму:
-Что-то звезд многовато,
а мне надо одну,

пусть не самую яркую,
но зато – на двоих,
чтоб остались подарки
для любимых других.

Не она ли, заветная,
все тревожа мне грудь,
та звезда, до рассвета
не дает мне уснуть?

* * *

Л. Дроворуб.

1

Не чета я тебе, не чета,
как раздумью в ночи – суета,
как пожару - вода у моста
и как точке – прямая черта,
не у той ли стоял я черты,
за которой слова все пусты,
а судьба чуть виднее с моста.
... Не чета я тебе, не чета.

2

Знаю, прошлое вряд ли воротишь,
только жаль, что, наверное, ты
огород на болоте городишь
или в дождь поливаешь цветы,

мы друг к другу уже чуть остыли,
только жаль, что,наверное, ты
где-то золото ищешь в пустыне
или в небе возводишь мосты,

ну а мне часто снятся тревожно.
отчего, не могу объяснить,
зной пустыни, цветы на окошке.
те, что ты позабыла полить.

* * *

В. Денисенко.

Важно вовремя подсказать,
а еще важнее – утешить,-
и гроза обретет глаза
в птичьем гаме гнезд и скворешен,

важно вовремя остеречь,
а еще важней – не лукавить,-
и вода будет в речке течь
чуть смиреннее на переправе,

важно вовремя уступить,
а душою пылать – важнее,-
прель лесная начнет светить,
перед зеленью благоговя,

важно дальше быть от беды,
а важнее порой ночью
что-то выпытать у воды,
у огня что-то взять с собою.

* * *

Б.Маханько.

Что-то загорелось вдруг в судьбе,
но не обожгло, а только светит,
то ли это память о тебе,
то ли это светят сны и дети?
Что-то вдруг почудилось в лесу,
там, где осень царствует, как прежде,
ей листва увядшая к лицу,
как печаль порой к лицу – надежде.
Что-то вдруг открылось во мне
там , где я иду по бездорожью,
где причудой тень на старом пне,
а трава на истину похожа.

Андрею Шпилову.

Вновь зовет пыль дорог
в ту страну,
где весну
стережет сто тревог,
где чуть виден намек
на рассвет
там, где след
уж засыпал песок,

вновь зовет огонек
в том краю,
где зарю
я пускал на порог,
где на память я мог
и в глуши
для души
завязать узелок.

* * *

В.Тяну.

Жизнь веку в судьбе обозначит,
чтобы видеть яснее ты мог
и козырную карту удачи,
и надежды опавший листок,

и в дороге несладкой, негладкой
ты оглянешься вдруг,-

и опять,-

то ли замер весь мир при оглядке,
то ли нечего больше терять,

ах, да что там! Все в жизни не просто
и в глазах что-то часто рябит,
то ли правда летит под колеса,
то ли совесть под ветром знобит,

и порою в минуту такую
прозреваешь, быть может, всерьез,
заглянул будто в душу святую.
а своей до нее не дорос.

* * *

В. Кельбранту.

Надо мужеством болеть,
чтоб свернуть на бездорожье
там, где мудрость вся – в безбожье,
чтоб себя понять успеть,

надо истиной болеть,
чтоб махнуть рукой на слухи,
чтоб прислушаться к старухе
там, где речь про жизнь и смерть,

надо волей заболеть,
чтоб и в сутолоке, в споре
не забыть про лес да поле,
хоть в душе и круговерть,

надо родиной болеть,
чтобы и грехи эпохи
были дороги, как крохи
хлеба на твоём столе.

* * *

В. Любушину.

Не понять без метафор
озаренье души,
как без прошлого – завтра,
как без честности – лжи,

не понять без гипербол
попадания впросак
как без дождика – небо,
как без чуда – пустяк,

все имеет значенье
и значенье судьбы
не понять без сравненья,
как без следа – тропы,

и, случается, гений
еще ближе для нас
и в бессильи сравнений,
и в затмении фраз.

ИСТИНА

Ф.Симу.

А быть может, истина
более, чем истина,
если в шуме лиственный
и от снов зависима,

а быть может, истина
более, чем истина,
если ждет на пристани
и без слез немыслима,

а быть может, истина
более, чем истина,
если вдруг над выстрелом
радуга повисла,

а быть может, истина
более, чем истина,
если днем ли, ночью,
более, чем истиной,
она быть не хочет.

* * *

А.Галимову.

У богатых я просить не стану
и в друзья для нищих не гожусь,
я туманом подплыву к туману,
облаков я облаком коснусь,

верить глупым – глупая затея,
спорить с умным тоже не резон,
хорошо бы, сердцем пламенея,
колокольный слушать перезвон,

говорить о славе – слишком поздно,
а о смерти рано говорить,
лучше быть чуть-чуть Иваном Грозным
для себя, чем праведником быть,

о весне задуматься зимою,
а весною жить одной весной,
семь тревог склонились надо мною,
а легко мне дышится с одной.

Тамаре Л.

Не удержал ни тьмою, ни огнем,
ни тишиной, ни стройностью созвучий,
и ты ушла, надеясь лишь на случай,
не мучаясь в томлении пустом,
и ты ушла, надеясь лишь на долг
пред дочерьми, а значит, и пред миром,
и я, как нищий в проданной квартире,
и как богач с волшебною водой.

МЫ С ТОБОЮ ЛИШЬ ДВА ОТГОЛОСКА...

Ирине

1

Что знает земля о звезде?
Что знает огонь о воде?
Что знает пустяк о судьбе?
Быть может, не больше,
чем знает любовь о себе.

2

Глаза ты отводила в сторону,
но только видел я, что в них
менялись лебеди на воронов,
касясь чуть ресниц твоих,
и от тебя совсем не требуя
ни жалости, ни сладкой лжи,
я понял: лебеди из небыли,
а вороны – с полей души.

3

Между нами как будто канат
протянулся,- на нем я качаюсь,
позабыв, что уже староват,
но ни в чем пред тобою не каюсь,
между нами какая-то нить,
дотянусь до нее – молодею,
то ли нить начинает светить,
то ли рад, что с тобой я светлею.

говорим про дела да дела,
хоть и знаем: от них в доме тесно,
между нами – дорожка стола,
а куда приведет – неизвестно.

4

На краешке у счастья я стою,
как будто бы у бездны на краю,-
дышу и не дышу,- как будто знаю,
что если в эту бездну упаду,
там, в этой бездне, хата моя с краю
и чуточку похожа на звезду.

5

Мы обиды еще не забыли
и не все мы друг другу сказали,
ты глядишь на меня голубыми,
голубыми до боли глазами,
смотришь ты на меня так, как смотрят
в даль полей сквозь дожди и туманы,
где заря от росы будто мокнет,
освещая леса и поляны,
говоришь ты со мной осторожно,
будто слушаешь странное эхо,
что плывет между правдой и ложью
и живет меж слезами и смехом.

6

Недомолвок легкая прохлада
и ненужных мыслей благодать,
говорить не хочется, а надо,
чтоб свое молчанье оправдать,
будто жизнь мелькнула ,как на гребне
суеты, где шли мы наугад,
говорить не хочется о небе
и о хлебе тоже – невпопад,
хоть пустяк давно уже не лечит.
как лечила детская игра,
говорим о том, что скоро вечер,
что обои поменять пора...

Что-то ждет нас с тобой впереди,
 пусть не все так, как надо, выходит,
 ты меня за собой уведи,
 но не дальше, чем песня уводит,
 что-то ждем от огня и воды,
 свет зари или отблеск былого,
 ты меня уведи от беды,
 но не дальше дождя проливного.

В себя я заглянул, а там - огни
 переливаются, как ночи, дни
 и что-то важное поймешь вдруг между прочим,
 а прочее отступит в многоточия,
 когда с тобою мы одни,

в тебя я заглянул, и там – горят
 огни, как дни и ночи, тоже,
 и все признания себя моложе,
 и это на игру чуть-чуть похоже,
 а пред игрой никто не виноват.

Пожелай добру добра
 голосом чуть слышным,
 чтоб душа уже с утра
 будней стала выше,

пожелай росе росу,
 чтоб чуть-чуть, но вымысел
 и в затишье, и в грозу
 от росы зависел,

пожелай вине вину,
 чтоб хотя б под вечер
 море пело про весну,
 подойдя к крылечку,

пожелай огню огня,
 чтоб на расстояньи
 от огня и до меня
 сбылись все желанья.

сила – в слове, а слава – пустяк,
жребий брошен и долг весь оплачен,
где все так и немножко не так
и похоже чуть-чуть на удачу.

2

Не хочу быть белкой в колесе,
не завидую ни зайцу, ни лисе,
ни к чему выть волком на ветру
и с медведем дружба не к добру,
заколдуй уж лучше ты меня
в вороного быстрого коня,-
что там впереди – не различить,
я иду к тебе и , может быть,
заблудился на тропе лесной
где- то между белкой и лисой...

3

У нашей любви что-то есть лебединое,
у нашей любви что-то есть тополиное,

пусть дом у нее не с зелеными ставнями,
о ней до утра тайны шепчутся с тайнами,

пусть сад у нее не с цветущими вишнями,
зато у нее все советники лишние,

пусть море ее не с белыми чайками,
зато у нее нет ни слуг, ни начальников,

у нашей любви все флаги развешаны
и мы у нее не святые, не грешные,

и я на тебя все гляжу, как на радугу,
и в жизнь твою желтым листиком падаю...

4

Говорим, но мало понимаем
из того, что лишь двоим видней,
будто воду мы из лодки выгребаем,
а вода не убывает в ней,

Стихи о цветах не заменят цветов,
 цветы красноречья – услада богов,
 и, может быть, боги, как боги, мудры,
 цветами в словах разжигают костры,
 в огонь лепестки все летят и летят,
 как будто нам что-то простить не хотят,
 быть может, тех слов, что забыть не могу,
 они как цветы,
 как цветы на снегу...

Оглянись и – увидишь
 край, где все без прикрас,
 где сто слов у обиды
 и ни слова для нас,

где у речки нет брода
 и крутой поворот,
 где упреки – из меда,
 а из нежности – мед,

где не все так, как хочешь,
 где вопрос как ответ,
 где ошибки хохочут
 и где ждут, чего нет,

где знобило и летом,
 где пустяк не пустяк,
 только что я об этом?
 Оглянись просто так...

Было все – и признанья, и встречи,
 и желанье себя быть умней,
 не искать, где спокойней и легче,
 и не быть лишь рабами вещей,

помню, будто тебя осенило,
 ты глядела, не видя вокруг,
 то ли полная ангельской силой,
 то ль бессильной от вспыхнувших мук,

и, казалось, от чувств было тесно,
и во взгляде, сильнее молвы,
было что-то еще от невесты,
ну а что-то уже от вдовы.

...Вот и годы мои на закате,
только чтоб разгадать этот взгляд,
мне и жизни, наверно, не хватит,
и я в том, может быть, виноват.

10

Ты, как пауза в «Лунной сонате» ,
ах, как кратка она,
ты как звон на речном перекате,
где вода холодна,

там, где март повстречался с апрелем,
где обиды не в счет,
где цветы все обсыпаны хмелем,
там к судьбе поворот,

ты как отзвук утраченной речи,
где ж ее аромат?
Ты оттуда, где шепотом лечат
и где гуси летят,

там, где перед осенней зарею
тени ближе к костру,
где клянутся огнем и водою, -
ты дрожишь на ветру.

* * *

Где же собака зарыта?
Там, где разбитое корыто,
где избушка ветхая стоит,
где старушка над судьбой вздыхает,
где огня без дыма не бывает
и Шекспир не очень знаменит.

ПЕСНИ БЕЗ НОТ

* * *

Мне бы петь на кургане
о тумане,

мне бы петь на горе
о заре,

а в долине –
о крыле лебедином
в том краю,
где был жив я
не хлебом единым.

мне бы петь на рассвете
о лете,

мне бы петь в свете дня
про тебя и меня,

а вечерней порой-
об огнях над рекой
в том краю,
где, как хлеб,
был нам сон голубой.

* * *

Нам порой не хватает
посреди зим и лет
и того, что бывает,
и того, что уж нет,

от забот своих слепнем,
но опять нас всерьез
лечит чья-то нелепость,
чье-то горе без слез,

для души как две песни,
как два таинства в них,
одинокество вместе
и печаль на двоих,

и понять невозможно
ни себя, ни свой век
без того,
 что как дождик,
без того,
 что как снег.

* * *

Танцевать бы от печки,
быть бы с веком в ладу,
посидеть бы у речки,
позабить про беду,

вспоминать бы о прошлом,
как тянулся к огню,
если падал, то все же
не под ноги коню,

жить бы в старой избушке,
не жалеть ни о чем,
собирать бы частушки,
только с кем-то вдвоем,

только все-таки б чаще
слышать шорох крыла
на пороге у счастья
и в плену ремесла.

* * *

Чьи-то грезы в зелени полей
вновь навеют сказку для детей,
чьи-то слезы скроет сумрак ночи,
только б стала ночь чуть-чуть короче,
чьи-то беды птицы унесут
и себя от бед они спасут,
чьи-то боли кони вдаль умчат,
задевая гривами закат,
не потонут в речке эти кони,
не споткнутся, не сгорят в огне.

... Что же я как будто жду погони
и с коня вдруг падаю во сне?

* * *

Мне бы только получше
размотать дел клубок,
а еще чтоб старушки
называли «Сынок»,

мне бы петь об удаче,
хоть в карманах – гроши,
а еще быть причастным
к свету чьей-то души,

мне б тому, кто в кручине,
подарить два крыла,
а еще чтоб рябина
с дубом рядом росла.

мне бы только в лесочке
слышать запах грибной,
а еще в чьей-то строчке
не стоять запятой,

не грустить, даже если,
душу мне теребя,
эта строчка из песни
про меня и тебя.

* * *

И счастье, и горе
на уровне моря,

а к морю тому
дорога в дыму,

сквозь бредни из снов,
сквозь дебри лесов,

где листья и травы
на уровне правды,

а правда на уровне
песни без слов.

ДОМ НА ПЕСКЕ.

А может, из ветра
тот дом на песке,
из шири морской,
что видна вдалеке,
из облака белого,
из тишины,
из первых признаний
под шелест весны,
из дальнего эха
окрестных лесов,
из сладкого меда
несбывшихся снов,
а может, из трепета
светлой души
тот дом на песке,
где нет места для лжи.

* * *

Хочется как лучше
и с того уж легче,
что дороги – учат,
а тревоги – лечат,

и совсем не просто
чудится мне снова:
слово что-то просит
у другого слова,

просит поле что-то
у другого поля
там, где чей-то шепот
или чья-то воля,

там, где шепчут травы,
будто я споткнулся
в трех шагах от славы
и домой вернулся,

только б от печали
отдохнуть под утро,
чтоб на перевале
семь ветров подуло.

* * *

Есть березы – белее от ветров,
есть вопросы – важнее ответов,

есть гроза, что тревожнее снов,
есть глаза, что надежнее слов,

есть каменя – весомей камней,
есть сомненья – несносней цепей,

есть, что есть, да была бы вот честь,
есть и честь – велика ли, Бог весть,

есть порог – дальше свет или тьма,
есть пророк – даже там, где тюрьма.

* * *

Что-то взять бы от радуги.
от ночного костра
и от слов этих «Надо бы...».
и от слов: «... для добра»,

что-то взять бы от берега,
чтобы плыть далеко,
что-то взять бы от дерева,
чтоб дышалось легко

в том краю ,где под ветрами
и печаль, и беда
цвета «бабьего лета»
и вода как вода,

что-то взять бы от трепета
кучевых облаков
и от детского лепета,
от признанья без слов,

а слова в песню просятся,
и они в шуме дней
чьей-то святости проше
чьей-то славы светлей

в том краю, где под ветрами
и печаль, и беда
цвета «бабьего лета»
и вода как вода.

* * *

Будет все как надо,
если в листопад
кто-то вам на радость
скажет: «Виноват»,

будет все как надо,
если в снегопад
просто так куда-то
шли вы наугад,

будет все как надо.
если в вас горят
искорки таланта
не любить наград,

будет все как надо.
если говорят,
что важней парада
школа и детсад,

будет все как надо,
все пойдет на лад,
если вдруг от взгляда
в сердце звездопад.

* * *

Мне дружить бы с веслом,
да вода холодна,
мне дружить бы с крылом,
да страшит крутизна,

мне дружить бы с костром,
да слепит он глаза,
мне б дружить с мудрецом,
да мешает слеза,

мне бы свет за окном,
да поярче свеча,
мне б забыть о былом
у родного плеча,

мне бы помнить о том,
что бывает судьба
и золой, и песком
там, где к сердцу тропа,

где и ночью, и днем
чья-то совесть не спит
и о чем-то с веслом
и с крылом говорит,

мне дружить бы с веслом,
мне дружить бы с крылом...

* * *

Когда печаль отступит на полшага
и чья-то тень мелькает у оврага,
иду туда, куда глаза глядят,
как будто в чем пред тенью виноват,

где у земли – закаты как рассветы,
где у судьбы – причуды как приметы,
они порою в капельке росы,
когда душа на краешке грозы.

* * *

Нам о многом мечталось
на заветной тропе,
мне снежинка досталась,
а дождинка – тебе,

потому и на радость
о тебе в ту грозу
поле с полем шепталось,
эхо с эхом – в лесу,

дни и ночи смешались,
и тебе в эти дни
все глаголы достались,
мне – наречья одни,

говорить было лишним
за бокалом вина,
ведь тебе – пригубить лишь,
мне же – выпить до дна.

* * *

Мне б всего понемножку –
чтоб светило в окошке,
если дождь, то на грядку,
если в круг, то вприсядку,
если снег, то с метелью,
если свадьба – с неделю!

Мне б всего понемножку –
горстку слов на дорожку,
чтобы пахло грибами,
а еще – пирогами,
чтоб в пути оглянуться,
поскорее вернуться.

* * *

Бывают дни, когда заботы дремлют,
в себе самом ты открываешь землю,
и птичий шум слышней над головой,
и пахнет свежескошенной травой,

как будто здесь тебя судьба ждала,
как будто ты, не помня больше зла,
стоишь у заколдованной черты
и уронил ведро в колодец ты,

а там в дали – все та же пыль дорог,
а там в пыли – все тот же огонек,
когда за ним увидишь отчий дом,
откроешь небо ты в себе самом.

А мной повелевает
огонь среди темноты
и тот, кто поливает
под окнами цветы,

а мной повелевают
доверие и грусть,
и то, чего не знаю,
что знаю наизусть,

а мной повелевает
и дождик, и роса,
и линия кривая
по кругу колеса,

а линия прямая
проходит где-то тут —
меж совестью и маем,
и там, где счастье ждут.

ПЕСНЯ

Вслед за песней лебеди летели,
вслед за ней летели журавли,
то ли что-то ей сказать хотели,
то ли жить без песни не могли,

может быть, нечаянно забыли,
из чего она сотворена, -
из того ль, что легче птичьих крыльев,
из того ль, что дарит нам весна,

песня птиц обманывать не станет, -
откровенья хватит в ней на всех, -
а когда она лететь устанет,
превратится в дождик или снег,

мне все чаще днями и ночами
эта песня слышится вдали,
в ней и лебеди моей печали,
и моей надежды журавли.

ВОСЬМИСТИШЯ

* * *

Паруса наполняются ветром,
а бокалы волшебным вином,
а душа наполняется светом,
тишиной и тоской о былом,

паруса на ветру растрепались,
расплескалось вино тут и там,-
может быть, две души повстречались,
поделив все грехи пополам.

НЕЖНОСТЬ

В жизни есть и такие мгновенья,
когда нежность – подобье цветка,
в ней пылают в едином сплетеньи
детский вымысел и облака,
к детям звезды приходят однажды,
за собой их куда-то ведя,
а у нежности губы от жажды
цвета радуги после дождя.

* * *

Я отдам тебе свою слезинку,
а свою дождевку не отдам,
может, ты вернешься за дождевкой,
если тяжело будет по ночам,

ты тогда спеши к дождевке этой,
ведь она лишь капелька одна,
если не успеешь до рассвета,
то слезинкой станет и она.

* * *

Оглянуться – значит и подумать,
а подумать, значит и понять,
холодком ли с севера подуло,
от судьбы ли хочешь убежать.

оглянуться в вихрях снега, пыли,
чтоб понять, придерживая шаг,
то ли снова обретаешь крылья,
то ли жизнь вмещается в пустяк.

* * *

Целомудрие первой любви
и березовый свет откровенья
так сроднились, хоть пой до зари
и себе удивись на мгновенье.

бескорыстие старческих дум
и рождественский свет всепрощенья
как два дуба в осеннем саду,
как два сада в пустыне забвенья.

* * *

Там, где быт на просторе забыт,
в тишине что-то есть и от Бога,
а судьба сиротливо глядит,
будто куст лебеды у дороги,
и опять лебеду я топчу,
и опять, перед ней виноватый,
отчего-то вот-вот закричу,
если сил уж на шепот не хватит...

* * *

И запад похож на восток,
и выдох похожий на вдох,
и сам ни хорош ты, ни плох,
и кажется, мир чуть оглох,
как будто бы на перекрестке
тебя ждет какой-то подвох,
как будто эпоху врасплох
застал ты при смене эпох.

* * *

Забывается то, что сбывается
без забот и тревог, просто так,
ни с того ни с сего вспоминается
и водою стекает в овраг,

забывается то, что прощается,
как мороз запоздалой весне,
а когда вера в жизнь кончается,
как спасенье приходит во сне.

* * *

Правда чувств идет от простоты,
простота идет от правды взгляда,
но порою правда – дом без сада,
ну а с садом дом – у доброты,

правда чувств идет от доброты,
доброта идет от правды боли,
но порой у правды – хлеб без соли,
ну а с медом хлеб – у красоты.

* * *

Не случится плохого, пока
еще верит чудака в чудака,
от цветка ждет улыбки цветок,
тянет к западу руки восток,
не случится, быть может, беды,
если к дому приводят следы,
если степь - целый мир для коня,
если нищий святому родня.

* * *

Счастливые стихов не сочиняют, -
они считают, что порой стихи
веснушки на лице напоминают
и чуточку похожи на грехи,

счастливые стихов не сочиняют, -
они считают, что стихи порой
в наряд волшебный счастье наряжают,
а счастье схоже с детскою игрой.

* * *

Мы порой себя не понимаем,
понимая все в судьбе чужой,
и как будто чью-то роль играем,
не играя роли никакой,

и пускай мы многого не знаем,
но мы знаем, жизнью дорожа:
клад любви в душе неисчерпаем,
хоть и исчерпаема душа.

* * *

Такая выпала мне доля –
не сбылось что-то и сбылось,
такая вольному мне воля –
хоть – в поле, хоть под сень берез,
бывает радостно и горько,
но, породнясь с чужой бедой,
моя душа как Кремль,
только
незащищенная стеной.

* * *

Жизнь как жизнь. И в цене пониманье
и в любви, и в сумятице дел,
но пугает порой расстоянье
между тем, что хотел и успел,
и на том расстояньи у моря
или в поле – сияние гроз,
может, плачет так горе от горя,
а заплакать от счастья – нет слез.

* * *

В легком шорохе крыльев в ночи
тайный звон различим без усилия,
может, встретились ангелов крылья
с золотыми цепями любви
там, где путь пролегает к добру,
где выходит заря над опушкой,
и на курьих там ножках избушка
во дворец превратится к утру.

* * *

Узором грез рассыпаны тюльпаны
и, обрамляя праздничный наряд,
ложатся облака на летние поляны
и травы хмелем юности пьянят,

цветок в цветке души своей не чаёт,
им так легко судьбу предугадать,
и музыка здесь ночью отдыхает,
устав чужое счастье воспевать.

* * *

Нам всем дано душою возвышаться
над ворохом ошибок и побед,
нас возвышает белый цвет акаций
и свет в окне сквозь вереницу лет,

ах, свет в окне! Душою возвышаюсь,
и кажется, когда к тебе тянусь,
я на победах снова спотыкаюсь
и на ошибках жить ещё учусь.

* * *

А может, и плохи дела,
нашла коса на камень,
что зло порою злее зла,
когда оно с руками,
что простота и доброта
порой бледны от муки,
когда то ждут приход Христа,
то к правде тянут руки.

* * *

А может быть, там, где дороги
уходят в широкий простор,
земли вековые тревоги
раскинули синий шатер,

его ни на чем не объехать,
и может, в ненастные дни
живет в нем усталое эхо
и светятся чьи-то огни.

* * *

У любви немало совпадений
с дружбой, только видно по всему:
у одной пожар лишь в сновиденьи,
у другой – пожар уже в дому,

у любви немало совпадений
с дружбой, только видно между строк,
что для дружбы и пророк как гений,
для любви и гений – не пророк.

* * *

Ты для жизни многое имеешь,-
как бы о богатстве не судить,-
и цветы выращивать умеешь,
и с детьми на равных говорить,
что же мне все снится: будто плачу
оттого, что на исходе дней
для цветов я ничего не значу
и прошу прощенья у детей.

* * *

Женщина у святости как дома,
а у прегрешений как в гостях,
если грусть-печаль ее бездонна,
то на небе ангелы грустят,
а когда любовь ей роковая
горький мед на блюде поднесет,
осенит вдруг истина святая,
снова сладким станет горький мед.

* * *

Даль степная эхо подарила,
чуть притихла роща ей в ответ,
будто что-то недоговорила
ей про то, чему названья нет.

желтый лист кружится над обрывом,
будто тень от птичьего крыла,
там, где лето что-то позабыло,
осень первое гнездо свила.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1

А осень начинается в душе.
Хоть к ней еще рукой не дотянуться,
но чаще все ты хочешь оглянуться,
как будто что теряешь ты уже.
Пусть трепет трав по-летнему ленив,
но на душе такое просветленье,
как будто осень обрела в ней зренье,
и это, может, зрелости сродни.

2

Может быть, ты не спишь до утра.
как и я, вот такими ночами.
Не пора ль убирать со двора
отгоревшие листья печали?
Только, знаешь, а я вот готов
не мести двор еще три недели.
Осень – горстка заветная слов,
что мы летом сказать не успели.

3

Пусть осень, величья полна,
своими владеньями правит,
по-лисьи с зимою лукавит,
хлопочет порою без сна,
поймет, наконец, и сама
о чем призадумались вязы,
что пишет природе указы
не осень уже, а зима.

* * *

Мы порой обиды не прощаем,
а когда прощаем – в этот миг
будто бы себя приподнимаем
над святою мудростью всех книг,

а когда к земле мы припадаем
и во всем себя виним уже,
будто чье-то имя вспоминаем
или слышим колокол в душе.

* * *

Если в нас ребенок умирает,
то вдали сквозь ветер и туман
полюс Южный льдами громыхает
и вздыхает Тихий океан.

Может быть, сейчас, как будто в сказке,
по экватору вокруг земли
покатилась детская коляска
нашей первой солнечной любви.

ТЕНЬ

Тень за мною движется несмело,
мне спешить уж некуда в тиши.
эту тень отбрасывает тело,
ну а может, тень есть у души,

ну а может, есть душа у тени
и у тишины душа своя,
и тот свет, что излучает гений,-
только тень иного бытия.

* * *

Так бывает в тишине ночной –
будто в мире нет слез ничьих,
только плачет женщина порой
оттого, что плакать нет причин,
так бывает в тишине ночной –
побежит слеза, но все равно
улыбнется женщина порой
оттого, что плакала давно.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ И ВОДОЙ

* * *

Еле слышится в шелесте трепет лозы
там, где дремлет гроза в теплых каплях росы

и светлее, и звонче июльская даль,
будто летом апрель вновь пришел в календарь,

пахнет прелью слегка у заветной межи,
волшебство птичьих гнезд как спасенье души,

еле слышится в шепоте трепет лозы,
как дыхание снов и как лепет грозы.

* * *

У каждого мера своя и своя высота,
но в жизни, наверно, сильнее суеты суета,

мы ищем в былом то, что детям годится в букварь,
а днем с фонарем ищем свет, позабыв про фонарь,

у каждого воля своя, свой крутой поворот,
но в жизни лишь горе сыплет соль нам на мед,

а звон нарастает в душе, будто в нем вся и суть,
нам так не хватает того, что хватило б чуть-чуть.

* * *

Яблоки красные в старом саду,
речи бессвязные, будто в бреду,
ночи бессонные в скорбной тиши,
с хлебом и солью праздник души,
в белом – невеста, а в черном - вдова,
в песне мы вместе, и песня права,
все так смешалось и все так сплелось,
слезы без жалоб и свет от берез,
вновь перевал к перевалу крутой,
все, что отдал, то осталось с тобой,
в лес бы да в поле, где нет суеты,
там, где нас помнят, - не вянут цветы.

* * *

Расспрошу у художника летней порою,
что за цвет у воды, когда бредят водою,

и какой цвет к лицу там, где нету, пожалуй,
у любимой – разлук, у разлюбленной – жалоб,

расспрошу у художника, он - то уж знает,
что за цвет у беды, когда слез не хватает,

и какой цвет к лицу там, где грозы так часто,
что за цвет у судьбы и у звездного часа.

* * *

Может быть, в закоулках души, как в глуши,
на руках все козырные карты у лжи,

может быть, раз в году ждем чудес от небес
и врачуют нам раны не поле и лес,

может быть, дни прошенья не святы, как встарь,
все, что май накопил, - разбазарил январь,

может быть, на песке строят дом из цветов,
но не поздно еще начинать все с азав,

и пока, может быть, все не так и не в лад,
ни к чему расставлять все по полочкам в ряд.

* * *

Мне все равно, кто у всех на примете,
кто кому должен и кто там в ответе,
лишь разобраться бы, в чем подоплека
счастья удачи и тайны полета,

мне все равно, кто узлы все распутал,
кто на вершине, а кто на распутье,
лишь разобраться бы, в чем подоплека
тихой молитвы и слез у порога,

мне все равно, кто поет о просторе,
кто выше в славе, а кто первый в споре,
лишь разобраться бы, в чем подоплека
поздней любви и пророчеств пророка.

* * *

Не гадай,
отчего льется чья-то беда через край,
где тот край, за которым виднеется рай,
отчего и пустяк правит нашей судьбой
и с молитвой сливается звон над рекой,

не гадай,
отчего над крылом властно только крыло
и спасеньем души светит нам ремесло,
отчего не в огонь больше верим, а в дым
и всю правду порой невзначай говорим,

не гадай,
отчего так целебен березовый сок,
и, как блудного сына, ждет нас отчий порог,
отчего волшебство рождено в тайне мук
и раздолье полей выше бед и разлук.

* * *

А может, удача
так многое значит,
когда миг удачи
судьбою оплачен,
на это ответит лишь тот,
кто нам светит,
и это поймет,
кто собрался в полет,
а может, удача –
как смех после плача,
когда этот смех-
как на голову снег,
на это ответит лишь тот,
кто нам верит,
и это поймет лишь тот,
кто поет.

* * *

И в раю библейском
 можно быть бездомным,
и в плену у песен
 быть с бедой знакомым,

как бывает горько
 пить вино – усладу,
шепот кривотолков
 получать в награду,

на пиру великом
 можно быть непьяным
и дарить гвоздики
 рощам и туманам,

как бывает сладко
 пить вино – отраву
и глядеть украдкой
 на чужую славу,

на виду у лета
 взор таить весенний,
ждать печали светлой,
 будто воскресенья.

* * *

Ты ушла в полутьму
 и в сердцах хлопнув дверью, -
и теперь никому,
 ничему я не верю,
я не верю Петру,
 что Великим зовется,
я не верю костру,
 что разжечь нам придется,
я не верю ничуть
 островам тем Гавайским,
я не верю в тот путь,
 что весь в яблоках райских.
Ты ушла в полутьму,
 стук шагов затихает,

я не верю тому,
кто тебя ожидает,
отчего ж – не понять –
Петр Первый мне снится,
и хочу я опять
в его веке родиться,
где уходят в рассвет
и не хлопают дверью,
где тебя только нет,
но я в это не верю...

* * *

Меня врачуют тень
и свет поры осенней,
когда вдруг новый день
как первый день творенья,
жду часа я, когда
он у судьбы во власти
и будто хмель вода
и хмель вина в запасе,

меня врачуют свет
и тень осенней роши,
когда за далью лет
все и сложнее и проще,
жду часа, когда час
объят душевной смутой
и суть крылатых фраз
еще мудрей под утро,

меня врачуют боль
и свет любви осенней,
когда и мед, как соль,
но в нем твое спасенье,
жду часа до зари,
когда чуть больше стоит
и то, что не горит,
и что в воде не тонет.

ВИДЕНИЯ

Ах, этот Бонапарт
вновь празднует победу...
И склонился март
над детской колыбелью...
Гнезда на березках.
И бело от снега...
И на перекрестке
встретились два века...
Не открыта Индия.
Звезды в небе гаснут.
И в любимом имени –
свет и звон в согласье...
Ах, этот Бонапарт!
Он стал Наполеоном...
Не моя ль судьба –
дымкою над полем?..

ГОРЬКОЕ ВИНО

Ах, как много забыто
из того, что важнее, чем быт,
и на скатерть пролито
то вино, чей секрет не раскрыт,

может быть, ни при чем
то, что было да сплыло навек,
ты признайся мне в том,
что похоже на утренний снег,

ах, как мало забыто
из того, что не стоит гроша,
и на скатерть пролито
то вино, что не терпит душа,

может быть, ни при чем
то, что знали давно наизусть,
ты признайся мне в том,
в чем признаться себе я боюсь,

ах, как много забыто
из того, что уже не вернешь,
и на скатерть пролита
может, правда, а может быть, ложь,
может быть, ни при чем
то, что было да сплыло навек,
ты признайся мне в том,
что во всем виноват новый век.

* * *

А может, во мне поселился
какой-то недуг:
меня отравляет вкус меда
и лечит испуг,

мне кажется, я прозреваю
в слепой суете,
приходят на цыпочках мысли
ко мне, но не те,

а может, во мне вдруг открылся
какой-то изъян:
мне кажется, соль исцеляет от всех
кровоточащих ран,

замедлилось время в камерке
моей, как в норе,
отшельником хочется жить
на высокой горе,

а может, себя вижу я,
но не с той стороны:
боюсь не сумы и тюрьмы,
а порыва струны,

мне кажется, колокол
слышится в бое часов
и чьей-то молитвой откуплен
был я у грехов.

* * *

Как ты там ни крути,-
в жизни все что-то значит,
даже если с пути
сбился рядом с удачей,
что ты ни говори,-
мы порой как на свадьбе,
даже если на пир
лишь тебя не позвали,
что ты там не толкуй,-
падать духом не стоит,
даже если в долгу
как в шелку пред собою,
сколько б жил зим и лет,-
все понять не так просто,
даже если ответ
чуть попроще вопроса,
пусть порой все на слом,
жизнь от нас ждет ответа.
Ах, да что я о том?
Может, лучше б об этом?

* * *

Видно, в жизни пора
наступила такая:
ничего не решают победа
и слава любая,
лишь серебряный голос
весенней капли
нам напомнит о том,
что сказать не успели
или просто забыли,
в каком мы столетьи
и лицо Незнакомки
в зеленой карете.
Видно, в жизни пора
наступила такая:
светит в каждой дождинке
заря расписная,
лишь волшебная медь
колокольного звона
нам напомнит, что мы
в этом звоне как дома,

и покажется вдруг,
 что опять между нами
кто виновен, кто прав
 поменялись местами.
Видно, в жизни пора
 наступила такая:
думал, суть в суете,
 а причина другая,
и сливаются вместе
 пути-перепутья,
все, как надо, лишь там,
 где ты все перепутал,
ну а что позабыл,
 вспомнишь вновь на рассвете,
и лицо Незнакомки
 в зеленой карете.

* * *

Все, наверно, забудется
 из того, что пора позабыть,
что, мол, стерпится - слюбится,
 а терпеть – это значит и жить,

что исчезнет из памяти,
 может быть, себе место найдет
на церковной ли паперти
 или там, где легенда живет,

все, наверно, запомнится
 из того, что приснилось вчера,
и колючки шиповника,
 и звезда, и вода из ведра,

что останется в памяти,
 нас опять озарит
белым хлебом на скатерти
 или тем, что в огне не горит.

* * *

Нет, не дремлет молва,
 пусть она не всегда и права,
разберешься едва,
 а уже зеленеет трава,
пусть в заветном окне
 нет огня, что светил на весь свет,
лишь в родной стороне –
 где семь бед, там один лишь ответ,
нет, еще не до дна
 чаша выпита в дружном кругу,
может, где-то одна
 есть душа, что простит и врагу,
пусть опять и опять
 исцеляет нас чья-то мольба,
не успеешь понять,
 а уже на пороге – судьба.

* * *

Не заладилось что-то с утра,
сиротливо на все я гляжу,
будто нет ни кола, ни двора,
не тому, может, богу служу,

чья-то тень за моею спиной
притаилась и жду я: вот – вот
мне послышится плач за стеной,
чей-то голос меня позовет,

этот голос я всюду б узнал,
он мне ближе, когда я в тоске,
будто он мне судьбу предсказал
на понятном лишь мне языке.

СТИХИ С ЭПИГРАФАМИ

ОЧАРОВАНИЕ

...очей очарование.

А. Пушкин.

Очарование – очи и очаг,
когда так трудно отличить бывает
свет очага, зовущий по ночам,
от света, что в очах твоих мерцает,
очарование – чарами я ранен
по-пушкински, а с этим не шути,
когда и раны шепчут о призванье,
а слово «чара» – как вода в горсти.

* * *

И верится, и плачется...

М. Лермонтов.

И верится, и плачется,
и ты чуть-чуть мудрей,
когда в слезе твоей
семь радуг отражается
и семь – в глазах детей.

* * *

Если проза в любви неизбежна...

Н. Некрасов.

А проза в любви - от мороза
и чуточку больше, чем проза,
а проза в любви – от полыни,
и, может, чуть-чуть - от гордыни,
а проза в любви – и от меда,
который горчей год от года,
а проза в любви и в той славе,
что в модной бывает оправе,
а проза в любви – и от песни,
когда в ней два сердца не вместе.
...Я много о прозе той знаю,
по крохам ее собираю.

* * *

Кто скажет нам, что жить мы не умели...
А. Фет.

Кто скажет нам,
что жить мы не умели?
Быть может, ночь,
идя навстречу дню.
Чего-то мы
не взяли у капли,
чего-то недодали мы
огню,
кто скажет нам,
что жить мы не умели?
Быть может, эхо,
что когда-то мы
услышали
над детской колыбелью,
как звон весенний
посреди зимы,
кто скажет нам,
что жить мы не умели?
Быть может,
сон, увиденный давно,
в котором были мы
чуть-чуть умнее.
Иль так казалось?
Но не все ль равно!

* * *

Одной Звезды я повторяю имя...
И. Анненский.

Одной Звезды я повторяю имя,
хотя и чувствую бессилье слов,
ведь говорю словами я земными,
а надо бы на языке богов,
тогда б Звезда, свое услышав имя,
сошла на землю поступью богини,
но как же выучить язык богов,
когда он весь из снов и облаков?

* * *

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь...

Александр Блок

Жизнь вся, нет, еще не рассказана,
только снится заря над рекой,
а еще снится первая фраза
о любви, что не стала судьбой,

шли б стихи, остальное – детали,
хоть в деталях порой и вся суть,
не витать бы в заоблачной дали,
заблудиться бы где-то в лесу,

где мне эхо напомнить сумеет
и о том, что сгорело уже,
и о том, как эпоха светлеет.
если эхо эпохи в душе,

где гроза ослепит на мгновенье.
по дождинки, что в строчки летят.
для меня будто добрые гении.
те, что нас во всех бедах хранят.

долг пред жизнью еще не оплачен.
звон лесной будто истины зов,
может, он тайне слов равнозначен,
когда вдруг не хватает мне слов.

* * *

Ты из шепота слов родилась...

Александр Блок.

Шепчутся души, по небу паря
там, где и нищий похож на царя,

шепчутся звезды в плену у ночей
там, где не слышатся звоны мечей,

шепчутся губы, нежнее цветка,
там, где как годы мелькают века,

шепчутся очи о чем-то былом,
шепчутся складки на платье твоём,

может, о том, что у слов выше власть
там, где из шепота ты родилась.

* * *

Ты – женщина, и этим ты права.
В.Брюсов.

Ты – женщина, и этим ты права,
и там, где слово все порой решает,
твои слова чуть больше, чем слова,
и слава слову место уступает,
ты – женщина, и этим ты права,
и там, где прав у всех вполне хватает,
твои права чуть больше, чем права,
и правда свое право обретает.

* * *

И кажется, вот-вот и я пойму
Незримое...

И.Бунин.

И кажется, вот-вот и я пойму
незримое, что надо мной витает,
как тот незрячий понимает тьму,
как будто снова зренье обретает,

и кажется, и я пойму вот-вот
чуть слышное и близкое до боли,
как тот глухой, что замер у ворот,
как будто тишину глазами понял.

* * *

Пойми со мной хоть самое простое...
С.Есенин.

Пойми со мной хоть самое простое,
пойми зеленое и голубое,
что проще, если праздник у цветка,
и чья-то исповедь покажется пустою,
когда в ней места нет для пустяка,

пойми со мной хоть самое простое,
пойми усталость тишины над полем,
что проще, если устают слова,
и чья-то исповедь покажется святою,
когда в ней святость проще божества.

* * *

И прелести твоей секрет...

Б. Пастернак.

И прелести твоей секрет
еще пока что не разгадан
как шорох утреннего сада
среди ошибок и побед.

а может, прелести твоей
секрет нечаянно утерян.
он где-то прячется за дверью,
не кается, живет в поверье
и в подоплеке новостей.

И может, в том, что нет ответа,
вся прелесть самого секрета.

* * *

Я изучил науку расставанья...

О.Мандельштам.

Мне б создать теорию разлуки,
ту, которой можно объяснить
лунный свет томления и муки,
и надежды солнечную нить,
мне б создать теорию разлуки.
ту, которой можно доказать,
что бывают зрячими и руки,
если руки, будто рек излуки
над судьбой,
что светится опять.

* * *

Куда мне деться в этом январе?

О. Мандельштам,

Куда мне деться в этом январе
от февраля, что снова на заре
придет и –постарею я на месяц?
Мне буквой заблудиться б в букваре,
мне вдруг горой присниться бы горе
и в шапке облаков стоять бы вместе!

Куда мне деться в этом январе,
чтоб этот год светился в серебре
моих причуд, похожих на сравненья?
В снежки играют дети во дворе
и в строчке Мандельштама нет тире,
и снег на снег похож на удивленье!

ЗЕРКАЛО

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

А.Ахматова

Только зеркало зеркалу снится,
тишина тишину сторожит,
и похожа на птицу лишь птица,
и дождинка к дождинке летит,
но я знаю, что я не умею
сторожить в тишине тишину,
может, все только птицам виднее,
когда птицы торопят весну,
только что мне весна,
если снова,
снова чудится мне: тут и там-
будто в муках, как в поисках слова,
кто-то ходит за мной по пятам, -
и спускается зеркало ночью
со стены в час урочный, идет
по паркету куда-то ...

А впрочем,
может быть, тишина лишь поймет.

Только зеркало зеркалу снится,
тишина тишину сторожит,
и порою нам светится в лицах
то, что зеркало не отразит.

* * *

Но выше вас, цари, колокола.
М.Цветаева.

Но выше вас, цари, колокола,
чей звон как вестник света и добра,
но выше вас, слова, - дела,
а выше дел – лишь детская игра,
но выше вас, грехи,- грехи,
что нам в стихах не кажутся грехами,
но выше вас, стихи, - стихи,
чью красоту не выразить стихами.

* * *

Певцы – во сне – открыли
Закон звезды и формулу цветка.
М.Цветаева.

Закон звезды и формулу цветка,
наверное, открыли облака
и от удивления
растаяли в стихотвореньи
на века,

закон беды и формулу греха,
наверное, открыли впопыхах
цари, не знающие страха,
и на царя похожий
страх.

КРАТКОСТЬ

Краткость – сестра таланта.

А.Чехов.

Верной дочкой мудрости слыла
и подругой простоты когда-то,
трижды она замужем была,
а потом она уже смогла
стать сестрой таланта.

* * *

Падая, за звезду не ухватишься...

Ф.Шаяпин.

Женщина на выдумку похожа,
и себе на радость иль беду,
если в бездну падает, то все же
ухватиться хочет за звезду,
за мечту, что в явь не превратилась,
ну а может, все - таки сбылась,
это знает только та, что снилась,
о звезду случайно обожглась.

* * *

Ах, как вкусно ты яблоко ешь!

М.Матусовский.

Ах, как мило ты это твердишь
просто так, без особой причины,
ах, как славно ты это твердишь –
так и стану чуть выше я чином,
ах, как сладко ты это твердишь,
будто яблоко ешь на морозе,
ах, как поздно ты это твердишь,
будто это стихи,

только – в прозе.

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

Я люблю тебя черной от света...

П. Антокольский.

Я люблю тебя с тайной во взоре
и без тайны, когда среди дня
ты светлеешь лицом в разговоре
и мне кажется – лишь для меня,

ты мне видишься той же, домашней,
в красноречии губ твоих, рук,
в суматошном застолье вчерашнем
и в привычной печали разлук,

ты мне ближе все в той же одежде
и в заветном девичьем платке,
когда видится Берег надежды
даже там, где лишь дом на песке,

тот песок еще теплый от зноя
и на нем не исчезли следы,
и чем громче там голос прибоя,
тем мы дальше с тобой от беды,

ты со мною и в счастье, и в горе,
потому что прибоя не утих,
и для нас море больше, чем море
там, где море – одно на двоих.

СЕРДЦЕ

Гляжу сквозь
твое тоненькое сердце...

Е.Евтушенко.

А сердце - дорог перекресток
и чей-то надежный причал,
оно как таинственный остров,
когда вдруг болит по ночам,
а сердце – волшебный костер,
в нем лишь сны не горят,
в нем – отзвуки гор,
когда под ноги камни летят.
а сердце - соцветие роз,
где как роза – слеза,
оно как созвездие гроз,
сквозь которые светят глаза.

* * *

Откуда нагрязнули нежность и ель...

Б. Ахмадулина.

Откуда нагрязнули нежность и ель?
А может, оттуда, где синий апрель,
где прель опьяняет всю рошу, как хмель,
где вновь по утрам открывается дверь
туда, где не хочешь, а все-таки верь.

Откуда нагрязнули нежность и ель?
А может, оттуда, где честь и дуэль,
где рядом с метелью другая метель,
как будто бы это с Ассолью Асель,
где зависть от зависти села на мель.

А может, оттуда, где свет на весь свет,
где нет поражений и нету побед.

* * *

Случайностей причудливый узор.

С. Кузнецова.

Случайностей причудливый узор,
необходимости совсем простой рисунок,
все тот же между ними спор
по мелочам, а может быть, по сути,
но этот спор как будто ни к чему,
когда заводят горы разговоры,
а их вершины в облачном дыму
и чьи-то души улетают в горы.

* * *

Мне сейчас не до трудных задач.

С. Кузнецова.

Мне сейчас не до наших вождей –
было б больше дождей у детей,
мне сейчас не до белых ночей –
ночи белые те – для друзей,
мне сейчас не до скрытых корней –
не споткнуться хотя бы среди пней,

мне сейчас не до резвых коней –
кони резвые свадьбе нужней,
свадьба пляшет и все веселей,
будто ей все видней,
только ей.

* * *

Приносит душе равновесье...

С. Ботвинник.

Душе не дают утешенья
тепло от ночного костра,
высокое чье-то служенье
и споры почти до утра,

не верится в добрые вести
и, кажется, пусто вокруг,
и нет у души равновесья
над бездной тревог и разлук,

какая-то сушит кручина -
не я ли из дальних дорог
с котомкою блудного сына
вернулся на отчий порог?

Нет, это не я...

Отчего же
старее душою я стал,
как будто иду бездороженьем
и посох на хлеб променял.

ДРУГУ

Вся надежда на апрель
Да на то, что было.

Ю.Поляков.

Радость выстроила дом,
а дворец – печаль,
не жалеть бы ни о чем,
да чего-то жаль,

может, лета без дождя
и весны без гроз,
вся надежда на тебя
да на шум берез,

может, как-то мы не так
жили до сих пор,
вся надежда на пустяк
да на синь озер,

жаль, мы старимся скорей,
чем вот этот лес,
вся надежда на апрель
да на семь чудес,

только б вместе, друг, с тобой
мы понять смогли
то, что просит в час ночной
небо у земли.

ЗАСТОЛЬЕ

Есть расстоянье большое
меж чашей и губ твоих краем...
Гомер.

Звон стаканов. По второму кругу
наливают их. И пир идет.
Вспомнил я, что не признался другу
в том грехе, который так гнетет.

Кто-то лезет с разговором важным,
кто-то мне кивает головой.
Вспомнил я, что в суете вчерашней
показалась жизнь мне пустой.

Если где-то ждет меня тревога,
а цена ей лишь судьба одна,
ах, застолье, покачнись немного,
урони хоть капельку вина!

* * *

...звездное небо надо мной
и нравственный закон во мне.

И. Кант.

Надо мною небо голубое,
а во мне – мой нравственный закон,
жить в ладу с ним - дело непростое,
как рукой потрогать горизонт,

мне все чаще кажется порою,
что молитвой чьей-то я храним,
что над чьей-то грешною душою
я склоняюсь небом голубым.

* * *

Любовь была всегдашней...

Ж.Превер.

Война всегда столетняя,
струна всегда заветная,
волна всегда зовущая,
вина всегда гнетущая,
весна всегда пьянящая,
жена всегда ворчащая,
а если не такая,
то суть стихов при этом
вся та же, не другая.

* * *

А у бездны на краю – трава...

Р.Деснос.

А у бездны на краю – трава,
а у бездны на краю – слова
о траве бесславья и забвенья
и о славе, что всегда права,
если просит у любви прощенья,

а у бездны на краю – листва,
а у бездны на краю – молва
о листве, лепечущей несмело
о любви, что в слепоте жила
и у бездны на краю созрела.

* * *

Быть в твоём море волною
и морем, где ты – волна...

Н. Гильен

Быть в твоём море волною
и морем, где ты – волна,
быть в твоём поле тропею
и полем, где ты – одна,

быть в твоём горе слезою,
чтоб чашу до дна испить
и твою боль своей болью
и шепотом усыпить,

быть в твоём взоре зарею
и далью, где есть твой взор,
где рядом гроза с грозой
и горы не выше гор.

ЧЕЛН

Этот челн из несказанных слов...

Р. Тагор.

Этот челн из несказанных слов,
из несбывшихся снов,
из незабытого горя,
а больше – из моря:
тонет он, где море вместо крова,
где не видно в море берегов
и где море светится из слова
оттого, что ясно все без слов.

СТЕПЬ

Кто не знает, чем прославиться,
поджигает степь.

Казахская поговорка.

Говоришь ты – будто в каждом слове
степь горит, огнем касаясь рук,
оттого, что было много соли
в черством хлебе наших встреч, разлук,

было время – степь оберегали
и не лгали ни себе, ни ей,
и пьянил как зов далекой дали
сладкий топот свадебных коней,

степь да степь, полынный запах шири,
что случилось с нами, чтостряслось,
будто мы с тобой не поделили
эту степь в сиянье вешних гроз,

будто мы не поделили песню,
у степи кружилась голова,
было ей давно уж все известно
и во всем она была права,

без меня не стала ты богатой
да и я ничем не знаменит,
я не знаю, в чем ты виновата,
только степь в душе моей горит.

ТВОРЧЕСТВО

Терпение приносит розы.

Турецкая пословица.

Не помеха ни ветра, ни грозы,
только б мудрость сердце обрело,
а когда приносит мудрость розы –
поднимает выше ремесло,

в летний зной не вянут эти розы,
а когда на них дрожит слеза –
чем-то схожи розы и березы
и в искусство прячется гроза.

* * *

Я – капитан затонувшего судна.

П.Неруда.

Мне кажется, я –
капитан затонувшего судна
и мой капитал –
мои сны о погибших, как судьи,
мне кажется, я –
бедуин из безвестной пустыни,
где шаг до беды,
но зато все грехи мне простили,
мне кажется, я –
как посол стародавнего царства,
где трон из цветов
и дороже цветов нет богатства,
мне кажется, я –
словно гость у дождя и тумана,
а может, матрос,
тот, что спас своего капитана.

ПОРТРЕТЫ

ДЕРЖАВИН

Только летописи бы и листать,
в предсказанья одни бы верить,
да вот мудрость толкают с моста
и приема ждет правда за дверью.

Что за век?

 Может, врет календарь?
Да и стих не волнует, как встарь,
ни на что он, наверно, не годен,
он как свергнутый государь
или снег прошлогодний.

ПУШКИН

... и дум высокое стремленье.

А.Пушкин.

Невысокий ростом был,
все высокое любил –
и в высоком небе птиц,
даль высокую зарниц,
облака, как острова,
и высокие слова
о любви, о славе, чести,
красоте народной песни
и о бденьях до утра,
о деяниях Петра,
невысокий ростом был,
все высокое любил
и вино ему сияло
из высокого бокала.

ЛЕРМОНТОВ
(Из цикла стихов)

1. ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Враги говорят:

- Не лучше ль
оставить бунтарский пыл?

Друзья говорят:

- Поручик,
а жизнь – суета и пыль!

Любовь говорит:

- Мой милый,
отныне я не твоя!

Судьба говорит:

- Есть силы
в тебе не богатыря!

Печаль говорит:

- Мальчишка,
вас хватит лишь на пролог!

А слава говорит:

- Не вышло...
Не Пушкин.... Уж видит Бог!

Он – в горы.

А горы шепчут:

- Здесь пропасть, не оступись.

А сердце ему:

- Покрепче
ты за меня держись!

2. УТРЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Кисть руке послушная,

и даже

руку обогнать все норовит,
чтобы горы в утреннем пейзаже
обрели скорее гордый вид,
чтобы речка звонкая запела
в белой пене!

Только где ж она,
тайна сини, пены этой белой
и того, чем дышит крутизна?

Может, заблудилась вдруг случайно,
и ее дорога, где б ни шла,
может быть, короче расстоянья
от весла до птичьего крыла,
ведь весло с крылом, как побратимы,
и всему, что в красках оживет,
посветлее хочется дать имя,
а гроза наступит в свой черед.
И в пейзаже утреннем поэта,
где еще не скоро грянет гром,
больше музыки иль больше света
до сих пор никак мы не пойдем.

ДОРОГА В БОБЛОВО

/Из цикла стихов о Блоке/

Лес да лес.

И дорога в Боблово.
Здесь и жить бы да не стареть,
здесь снижалась звезда до облака,
чтобы ярче еще гореть,
чтоб гостила весна у осени
каждый год и не краткий миг.
Чуть дымитесь туман над озером –
Блоком брошенный черновик,
тот,
что может лишь Менделеева
разгадать нам.

Ну а пока
пусть разгадывают наследники -
звезды, травы и облака.

ЕСЕНИН

Есенин хотел походить на Россию,
Есенин хотел походить по России,
Есенин любил океан и болотце,
лишь чистой была бы вода из колодца,
Есенин размахивал веткой, как шпагой,
когда он за счастьем бежал, как по шпалам,
Есенин – усмешка в глазах Пугачева,
как будто надежда в гостях у былого,

Есенин России приснился когда-то,
как снег на заре и как пламя заката,
а может, в улыбке рассвета Есенин,
как дождь в крошке хлеба,
как хлеб в откровенье.

МАНДЕЛЬШТАМ

Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьет.
О.Мандельштам.

Он опыт из лепета лепит
и лепет из опыта пьет,
есть в лепете что-то от лета,
от хлеба в засушливый год,
и будет за лепетом трепет,
а все остальное придет,-
и то, что напомнит о небе,
и то, что на лед упадет,
и жить по-иному – нелепо,
когда уж судьба у ворот.

АННА АХМАТОВА

Ее морщинки –
ниточки тепла –
прошли у глаз
и возле губ осели,
как тайные следы
поры осенней,
подвижнического
ремесла.

Смешавшись
с разноцветною толпой,
она опять проходит
у фонтана,
и чудится ей:
кто-то шепчет: «Анна,
не уходи!»
за старческой спиной.

Знакомый голос!
И, с огнем в глазах,
она его узнала
и так рада,
что слышала она его
когда-то,
ему бы только жить
на небесах!

САЛЬЕРИ

Сколько можно писать о Сальери?
Не ползет его тень по портьеру,
не скрипят подозрительно двери
и не гаснет свеча на рояле,
и вино чуть краснеет в бокале,
снова музыка пахнет вином,
что же я –то пишу о Сальери?
Ведь хотелось писать не о нем...

БЕРЛИОЗ

Женщина спросила Берлиоза,
отчего в симфонии его
расцветают розы на морозе
или это просто волшебство?

- Я не знаю, как насчет мороза,-
он сказал,- но пояснить могу:
музыка всегда немножко роза,
даже если роза на снегу.

НЕБО БЕТХОВЕНА

Что мы все-таки знаем про небо,
ведь у каждого небо – свое, -
у любви, у судьбы и у хлеба,
а у музыки небо – его,
будто сам у себя я в опале,
когда жизнь с его небом – вразрез,
то ли звезды на землю упали,
то ли кто-то из мертвых воскрес,
ах, да что там и мука, разлука,
что небесная кара всерьез,
может, небо – всего лишь тень звука
его музыки света и гроз.

«ПОРТРЕТ Ф. ШОПЕНА»
работы Э.Делакруа.

У него в глазах – лишь лес да поле,
нет грозы, она случится вдруг,
если цвет и звук опять заспорят,
если в цвет не превратится звук.
Рисовал художник, будто пел он,
все ему, казалось, по плечу,
может, был он заодно с Шопеном,
а еще Шопеном был чуть-чуть.

РЕМБРАНДТ.
«ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА».

Блудный сын. А еще – тишина.
И старик. И смятение в сердце.
Знаю я, не моя тут вина,
но не знаю, куда же мне деться?
Выйти б вон - до людей, в толчею!
Так и кажется мне, что сейчас же,
если с кем-то не поговорю, -
от чего-то умру, как от жажды.

ХУДОЖНИК А.ИВАНОВ.

Жизнь как жизнь. И суть ее проста,
вся она – явление Христа,
как явление дождя и снега,
вся она – свиданье у моста
и открытье в человеке человека.
Почему-то хлебом пахнет глина
на чужбине здесь.

И вновь мелькнет –
осень, Рим и Гоголь у камина.
Жизнь проста...

Как в ночь под Новый год...

НОЧЬ РЕПИНА

Снова пройдет усталость,
если в ночной тиши
будто бы вырастают
крылья у души.

Знает себе он цену,
только вот все равно
думается неизменно:
много ль тебе дано?

Будто мороз по коже,
если случится так:
кто-то вздохнет: «Похоже»,
кто-то съязвит: «Чудак!»

Ночь, будто день без хлеба, -
нет у нее конца.
Звезды. Полоска неба.
Надо б сойти с крыльца...

В утренней дымке степи,
свежей травы настой.
Падают руки Репина,
изможденные красотой.

А.КУИНДЖИ.
«ЛУННАЯ НОЧЬ НА ДНЕПРЕ»

Дремлет старым отшельником
Днепр в тиши,
дремоты этой тайна,
как тайна души,
лунный свет будто соткан
из нитей добра,
ночь похожа на Днепр
в сновиденьях Днепра,
пеленой синева,
что синее едва,
лишь с молитвой сравнима
эта ночь волшебства.

СОН СПАРТАКА

Снится Спартаку сон перед боем...

Бросил он свое сердце в костер,
а сердце не горит,
бросил он его в речку,
а сердце не тонет,
ударил он по сердцу мечом,
а меч отскочил от сердца.
Склонился Спартак перед сердцем,
как перед Богом.

Снится ему сон перед боем...

ДОН ЖУАН

Не менял коней на переправе
и ходил с пикового туза,
говорил с поэтом он о славе,
а с любимой – про ее глаза,

и в беде его спасали кони,
а в игре – козырные тузы.
Может, он в любви впервые понял
то, что понимают в час грозы.

НЕЗНАКОМКА

На лице - сквозь осень тень весны,
будто две враждебные страны,
что ребенок помирил давно,
и такая сладостная мука,
о которой знают только Муза
и любовник, прыгнувший в окно.

ЕКАТЕРИНА II

Что сказать – всеведуща, мила,
до любви охотница была,
но не забывала про дела,
даже, надо же, с самим Вольтером
переписку умную вела.

Только своенравен царский быт:
то, глядишь, сбесился фаворит,
то спина уж старчески болит,
где уж тут тягаться с молодыми,
если плакать хочется навзрыд.

Где же трона верная опора?
Может быть, удачливый Суворов?
Только больно беспокойный норов,
в остальном же – выше всех похвал,
ну а где еще найти такого?

Не найти такого, не найти,
хоть Россию всю перетрясти!
Вот о ком бы выдать крепкий стих!
А пишу вот про Екатерину,
будто тайну мудрости постиг...

ЭЙНШТЕЙН

1. У МОРЯ

С камнем
разговаривать наивно,
будто бы его
боготворя,
камням
не слагают люди гимны,
если и поют,
то про моря,
...Море –
рядом.
Что-то вопрошает
Эйнштейн у камня,
отрешен,
и не знает море,
нет, не знает,
кто мудрее –
камень или он?

2. СКРИПКА

Непонятно то, что мир понятен.

А.Эйнштейн.

Может быть, лишь скрипке Эйнштейна
все понятно из того, что нам
непонятно до сих пор , наверно,
и не все понятно небесам,

и когда Эйнштейн играл на скрипке
и куда-то за собою вел,
всем казалось, пусть и по ошибке,
будто он и скрипку изобрел.

ПОРТРЕТ СТАЛИНА

Лоб как бы говорил:
« Я хотя и маленький,
но зато я – лоб «отца народов».

Глаза как бы говорили:
«Вы люди маленькие,
но зато живете и боретесь
под мудрым руководством
великого вождя».

Усы как бы говорили:
«Глаза знают, что говорят,
а наше дело маленькое».

И только курительная трубка
молчала и дымилась,
как маленький крематорий.

* * *

Памяти академика А.Д.Сахарова.

Бескорыстие душу возвысит,
милосердие ее укрепит,
и отступят пред чувствами мысли
под горячим дыханьем обид,
и ребенком стоит академик
за трибуной, мешаясь в словах,
его слышат березы и ели,
отзывается эхо в горах,
и себя же как будто стесняясь,
расстилаясь под ноги травой,
чья-то святость, посланница рая,
дышит этой же грешной землей.
Может, всей суеты нашей выше
только святость,

и речь вся о том,
но не слышит его зал, не слышит,
и повеяло вдруг холодком.

...Если ж все это я понимаю
и готов на ветру пламенеть,
то чего ж мне тогда не хватает
в корень жизни,

как в душу,
глядеть?

БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДА О БЕССМЕРТЬЕ
/ ФРАНЦ ШУБЕРТ/

Кофейня видела не раз
гостей столичных,
захаживал и Шуберт Франц
сюда обычно,
никто не лез тут в спор пустой
и глаз не пялил,
давно для всех он был как свой,
хороший парень.
забыв про взятое вино
и бутерброды,
он на салфетках – все равно! -
царапал ноты.
В кофейне девушка была,
совсем девчонка,
она ему все не могла
признаться в чем-то,
а у нее до пят коса,
бровей излуки,
снежинки сена в волосах,
в мозолях руки.
Отец однажды все узнал
про свою дочку,
когда очки он протирал
ее платочком,
отец никак не мог остыть
от новой вести,
что каждый день он, как цветы,
дарил ей песни,
старик сердился и ворчал:
- Что в песнях толку?
Не наживу я капитал,
уж это точно!
И сам себе уже не рад,
вздыхал он, грешник:
- Куда уж лучше был бы сват
тот бакалейщик...
...Сирень под окнами цвела,
ручьи звенели,
вдруг дочь слегла и умерла
в конце недели,

к отцу средь звездной тишины
и среди шума
напевом утренней струны
являлся Шуберт,
и звуки в старческих ушах
звучали хором
и нота каждая, дрожа,
была укором,
и в сердце бедное его
навек запали
тревожных скрипок торжество
и траур пауз.
Прошло уж много лет, как год,
как снег и ветер,
а тот старик еще живет,
кляня бессмертье.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

/ Два голоса/

-И хороший обед –
как награда...

-Жаль, что ты не поэт,
Леонардо!

-Лишь вела бы звезда –
вся и радость...

-Ты не свил и гнезда,
Леонардо!

-Может быть, в простоте
вся услада...

- Ты погряз в суете,
Леонардо!

- Звал бы истины лик –
вот отрада...

-Ты уже ведь старик,
Леонардо!

-Тело хочет весной
в зелень сада...

-Жить в ладу бы с душой,
Леонардо!

- Моны Лизы чело,
ясность взгляда...
- И в цветах прячут зло,
Леонардо!

- Только трогать цветы,
нет, не надо!
-Строй уж лучше мосты,
Леонардо!

-Что там строить, Бог весть.
-Ну и ладно...
Может, Бог где-то здесь,
Леонардо!

ГОЛОС ВО СНЕ

Я дам тебе отвислость губ,
арапский профиль,
ты будешь по уши в долгу
и хмурить брови,
я дам тебе железный век,
огонь таланта,
чтоб до утра струила свет
ночная лампа,
я дам тебе невидный пост
в конторе мелкой,
чтоб не хватал ты с небо звезд
рукой умелой,
еще я дам тебе царя,
блеск декораций,
что б ты ему, благодаря,
мог улыбаться,
я дам тебе барьер и цель
для пистолета,
чтобы могла решить дуэль
судьбу поэта,
ты будешь жить до сорока,
а может, меньше,
останется одна строка
и та – для женщин,
тебе чернильная вода –
святая влага.
...Я ничего тебе не дам,
чтоб ты не плакал,

чтоб не казалось порой
тебе вдруг ночью,
что жизнь короче запятой
в удачной строчке.

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

«Любимая, верю!»
«Любимый мой, помню!»
Слова, точно камешки,
в воду бросали,
летели столетья
со скоростью молний,
они же друг другу
всех слов не сказали.

Водили губами они,
как смычками,
и песни сквозь время
и царства летели,
и звезды сгорали,
и плавилась камни,
но души у них
с каждым днем молодели.

Им руки сплетая,
безумствовал ветер,
их солнце хранило,
склоняясь над ними,
в такие минуты
и был он поэтом,
когда для любимой
придумывал имя.

И, кажется, не было
войн и пожаров,
и не было стонов
людей полоненных,
и нет у влюбленных
ни просьб и ни жалоб,
лишь вновь на песок
валом хлынули волны.

«Любимая, верю!»
«Любимый мой, помню!»
Слова, точно камешки,
в воду бросали.
Когда это было?
А, может, сегодня?
Они и сегодня
всех слов не сказали.

НА ОСТРОВЕ

/Сон /

Остров полон неги и покоя,
только море плещется вокруг.
Я – старик, а сердце молодое,
что ж со мною приключилось вдруг?

Для чего мне старческое тело,
если сердце, полное огня,
выпусти и – птицей полетело б
к дому отчому, где ждут меня.

Не пойму, в каком живу столетье,
да и где он, этот отчий дом?
Никого на острове. Пусть ветер
забушует и ударит гром,

я не вздрогну сердцем от испуга,
я не даром честью дорожил,
знаю я, что не предал я друга
и любимой я не изменил,

а ведь были и друзья когда-то,
от любви я пьян бывал порой,
ну а если в чем был виноватым,
брошусь в море я перед грозой,

до меня кому какое дело,
страх тонуть не стоит и гроша,
но страшнее, если раньше тела
вдруг в тебе начнет стареть душа.

П О Э М Ы

ЛУННАЯ СОНАТА

1

Музыка и судит и прощает,
поднимает душу,
и опять
в жизни слава роли не играет
и ее не хочется искать,
и душой для музыки открытый,
что с тобой не знаешь , - все равно
ты готов быть нищим и забытым,
только с нею быть бы заодно!
И опять сквозь годы и утраты,
в дальней или ближней стороне,
пред людьми ни в чем не виновата,
тянет руки Лунная соната
к той,
что улыбается во сне.

Ах, Джульетта Гвиччарди,
что вам снится ночами?
Не начать ли сначала
жизнь без всякой печали?
Дверь прикройте, Лаура,
чтоб свечу не задуло,
чтобы вновь обманула
ночь, что в снах потонула!
Анна Керн, слов не надо,
если сердце так радо
вспомнить дни листопада
и прогулки по саду!
Не подернулись пылью
небылицы и были,
вы их нам подарили,
потому что любили!

Ах, Джульетта Гвиччарди,
что вам снится ночами?

В женщине –
 что-то от грома вешнего,
 от голоса вешего,
 от того, что обещано,
 от того, что завещано
 суетного или вечного,
 с утра или с вечера,
 от Пути Млечного!

В ее имени –
 что-то солнечное,
 что-то от хлеба и соли еще,
 что-то от неба и совести,
 а еще в ее имени –
 блеск росы или инея,
 плеск воды родниковой,
 крик: « Храни меня!
 Повтори меня снова!»
 Повторю у причала
 ваше имя нечаянно...

Ах, Джульетта Гвиччарди,
 что вам снится ночами?

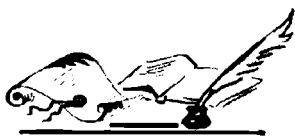
И опять сквозь годы и утраты,
 в дальней или ближней стороне,
 пред людьми ни в чем не виновата,
 тянет руки Лунная соната,
 говорит со мною обо мне.

Как в шуме парада
 дождинки дороже награды,
 так в шорохе сада
 есть что-то от Лунной сонаты,
 как в речи, чреватой
 прозренья усталой усладой,
 так в ранних утратах
 есть что-то от Лунной сонаты,
 как в сумерках взгляда
 мерцает: тут что-то неладно! –
 так в тенях разлада

есть что-то от Лунной сонаты,
как в грома раскатах
вдруг слышится: « Ты виноватый!»,
так в мыслях крылатых
есть что-то от Лунной сонаты,
как в блике заката
намек есть, что нет таланта,
так в тайне таланта
есть что-то от Лунной сонаты.

Талант, талант!
Его бы мне немножко,
но нет его,
и суть, наверно, в том,
а если есть –
он лунную дорожку
найдет к душе,
а к звездам – уж потом.
Я в горы шел.
И сыпались каменья
под ноги мне
и шум стоял кругом,
не прозевать бы
лунное затмение
в себе сначала,
в небе – уж потом.
Я молод был.
И думал я когда-то,
что горы я сверну
и, с сердцем в лад,
я написал бы
Лунную сонату,
да вот каменья
под ноги летят!

Ах, Джульетта Гвиччарди,
что вам снится ночами?

ПОТЕРЯННЫЙ ОСТРОВ

Людмиле К.

1

Мне уже не двадцать и не тридцать,
и зимой, и даже по весне
мне с тобой на царской колеснице
не промчатся даже и во сне,

на печаль ответишь ты печалью ,
знаю я,но как бы ни желал,
не попасть мне ради нас случайно
с корабля и сразу же на бал,

не к лицу нам веточка сирени,
и я вижу в дымке полевой
машет веткой не Сергей Есенин –
Лев Толстой идет за бороздой,

ты вздохнешь немного виновато,
только это, может, ни при чем,-
обожгла нас молния когда-то,
так что нам уже не страшен гром.

2

Посидим за чашкой чая,
обо всем поговорим,
если надо – поскучаем,
если надо – помолчим,

станет проще, станет легче
что-то важное понять,
не загадывать далече
и удачи зря не ждать,

посидим за чашкой чая,
друг на друга поглядим,
позабыв, с чего начали,
для чего вдвоем сидим,

для чего мои туманы,
для чего твои грехи
вдруг сошлись как на поляне
или где-то у реки,

станет проще, станет легче
оттого, что чай остыл,
оттого, что этот вечер
ничего не объяснил.

3

Ты еще мне ближе и дороже
в те часы вечерние, когда
говоришь, как будто жизнь итожишь
и не ищешь к прошлому следа,

а к нему сквозь годы- перепутья
тянется невидимая нить,
мне твою судьбу понять, как будто
в доме настезь окна все открыть,

потому и ждем друг другу руки
и вспугнуть боимся тишину,
может быть, мудрей на две разлуки
и моложе на одну весну.

4

Красивые похожи друг на друга,
но не боится сходства красота,
твое лицо красиво от испуга,
что красота твоя уже не та,

что сердце уж порой и утром
волнуется: ты к зеркалу идешь
и кажется, что в лодочке ты утлой
к потерянному острову плывешь

и думаешь: « Что если там на острове
езде одни сплошные зеркала
и будет отражаться в них, - о Господи!,-
мое лицо в морщинках без числа!»

А лодочка, с волнами еле споря,
все кренится,

и кажется, вот-вот
заглянет в душу яростное море
и нас с тобой лицом к лицу сведет,

но разве скажут море и гроза
где мы обретаем, где теряем?
Вот и смотрим мы глаза в глаза,
будто жизнь с жизнью мы сверяем,

только б различить нас не сумели,
островком потерянным маня,
ни дожди, что над тобой шумели,
ни снега, что старили меня.

5

Не пойму, откуда прилетела
ты на крыльях ветра и добра,
и не зря чуть-чуть помолодела
на деревьях старая кора,

будто знала, из чего он соткан
твой весенний девичий наряд,
я хочу, чтоб в небе гордый сокол
в честь тебя парил семь дней подряд,

чтобы ты душой затрепетала
оттого, что все понять смогла,
и моя печаль светлее стала
перед тем, как в нежность перешла,

я хочу, чтоб ты была загадкой
для весны, а для меня – весной,
чтоб в глаза твои глядел украдкой
чей-то праздник, будто праздник мой,

знаю, эта встреча будет сниться,
потому и хочется опять
в трех березах где-то заблудиться,
а в пяти – себя же потерять.

1

Мы порой повторяем слова,
не подслушав их сердца живого,
но опять обретает права
в тайне мук оперенное слово,
и забуду про все я дела,
и невольно замру на опушке –
вдруг послышатся колокола
в тихом шепоте древней старушки,
слово светлое, словно апрель,
в нем весенней травы притяженье,
жаль, не может оно на дуэль
вызвать нас за его искаженье,
и жар-птицей ко мне на ладонь
прилетит это слово.

И снова,
словно древние люди огонь,
я боюсь потерять это слово!

2

«Кто-то карабкается в гору».

И в слове «карабкается»
слышится:
карпы да крабы,
кораллы да арабы,
корабли да рабы,
кабы да как бы...

Слов игра.
Высока гора.

3

Слову удивиться –
как воды напиться,
словом достучаться –
как найти богатство,
все понять без слова –
как родиться снова,

а остаться в песне -
то и это вместе.
Слова добрые –
как пряники сдобные,
слова простые –
как булки ржаные,
слова верные –
как батоны белые,
слова откровенные -
как хлеба военные.
... Не умеешь хлеб печь –
пуста и речь.

4

У речи своя глубина,
когда что ни слово – причина
вино пить и только до дна,
лицо не кривя нарочито,
у речи своя простота –
когда что ни слово – основа
того, чтобы петь у моста
и мостиком быть из бывшего,
у речи своя ширь и стать,
когда что ни слово, то слава
устам, не уставшим шептать,
и грому, уснувшему в травах.

5

Есть слова – и мудры, и просты,
есть слова – как дороги, мосты,
у которых конца не бывает,
расцветают слова, как цветы,
если слов лишь цветам не хватает,
есть слова – в них лишь синь-синева,
есть слова – в них лишь правда права,
а еще и трава прорастает,
больше слов говорят нам слова,
если им лишь цветов не хватает,
и жар-птицей ко мне на ладонь
прилетит если слово, то снова,
словно древние люди огонь,
я боюсь потерять это слово.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Березовый свет откровения	– 4
2. Признания	- 31
3. Посвящения	- 40
4. Песни без нот	- 64
5. Восьмистишия	- 74
6. Испытание огнем и водой	- 83
7. Стихи с эпитафиями	- 94
8. Портреты	- 110
9. Баллады	- 122
10. Поэмы	- 128

Владимир Щукин «Березовый свет откровенья»

Третий сборник известного североказахстанского поэта.

В стихах автора сочетаются различные лирические мотивы с философскими раздумьями, исповедальные признания с афористическими высказываниями, разнообразие ритмов и жанров с идейной целеустремленностью.

ЩУКИН ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ

БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ ОТКРОВЕНЬЯ

Стихотворения, баллады и поэмы

Редактор: А.Пряников

Художник: В.Манзя

Технический редактор: Н.Байтенова

Корректор: И.Матвеева

Книжный знак ISBN 5-7667-9706-0

Северо-Казахстанское областное музейное объединение

г. Петропавловск, ул. Конституции, 48

Зак. 5. Тираж – 200 экз. Цена договорная